

Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences
State Historical, Literary and Landscape Memorial Preserve "Mikhailovskoje"
named after A. S. Pushkin (Pushkin preserve)
Museum Department of Finland

Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный
музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское»
Музейное ведомство Финляндии

*Devoted to 30th anniversary
of the friendly cooperation of archaeologists
of Russia and Finland (1976–2006)*

*Посвящается 30-летию
дружеского научного сотрудничества археологов
России и Финляндии (1976–2006 гг.)*

SLAVS, FINNS AND OUGRIEN

The Zones of Contacts and Cooperation

The Papers of Russian-Finnish symposium
on the Problems of Archaeology and History
Pushkinskije Gory
2004, October, 7–10

Editorial board
A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, A. I. Saksa

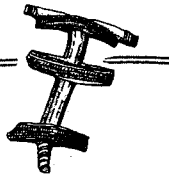
СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Контактные зоны и взаимодействие культур

Доклады Российско-Финляндского симпозиума
по вопросам археологии и истории
Пушкинские Горы
7–10 октября 2004 г.

О. В. Шаров

О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладоге

Ладога возникла на необитаемом месте.

О. И. Давидан

Находки римского времени на Северо-Западе

В последние годы в научных изданиях, посвященных археологии и истории Северо-Запада, появился целый ряд публикаций отдельных типов вещей римского времени, найденных на поселениях и могильниках второй половины — конца I тысячелетия н. э. (Булкин, Седых, Каргопольцев 2005; Каргопольцев 1994, 1996, 1998; Каргопольцев, Седых 2002; Каргопольцев, Шукин 2001; Кулешов 2005; Носов 2003; Носов, Плохов, Горюнова 2005; Платонова, Шукин 2000).

В большинстве случаев были опубликованы отдельные находки римского времени из культурного слоя более поздней эпохи, и поэтому у многих исследователей возникал закономерный вопрос: это случайность — их попадание в культурный слой городских и сельских поселений Северо-Запада древнерусского времени — или все же существует более ранний стратиграфический горизонт находок, практически неуловимый при археологических раскопках в силу более поздних перекопов и перестроек?

По мнению Ю. М. Лесмана, необходимо предполагать как минимум пять вариантов попадания ранних вещей в более поздние, хорошо датированные и стратифицированные горизонты находок:

1. Полностью разрушенный в данном месте ранний стратиграфический горизонт, из которого происходят ранние находки, попавшие в ходе перестроек, перекопов в более поздний слой;
2. ранние предметы принесены из другого близкого, но неизвестного специалистам места данного микрорегиона в более позднее время;
3. ранние вещи принесены или привезены из других регионов в более позднее время;

4. ранние вещи в течение длительного времени сохранялись в живой культуре как функциональные элементы одежды или инвентаря;
5. ранние вещи сохранялись длительное время в живой культуре, изменив свою функцию (например, как амулеты, игрушки и т. д.).

Находка в Старой Ладоге

Полной неожиданностью для исследователей стала находка в августе 2004 г. римской фибулы в культурном слое Земляного городища Старой Ладоги¹. Тип найденной фибулы был совершенно нехарактерен даже для самых ранних предполагаемых, но еще не зафиксированных археологически слоев Земляного городища (Мачинский 1995: 61–65) и вызвал некоторое недоумение у археологов-славистов. Фибула после приезда экспедиции в Санкт-Петербург была сравнительно быстро определена специалистами, которые занимаются более ранней — римской эпохой, вызвав не меньшее удивление в силу места ее находки. До сего времени за сто с лишним лет раскопок Земляного городища предметов римской эпохи в культурном слое Старой Ладоги встречено не было.

Публикуемая находка — маленькая бронзовая фибула была обнаружена в кв. 3-ХІХ, в слое Е2 Земляного городища. Она была зафиксирована на глубине 4,7 м. от современной дневной поверхности в темно-коричневом слое с щепой и навозом. По описи индивидуальных находок Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН за 2004 г. она числится под № 800.

Бронзовая фибула имеет три гребня на дужке, каждый в центре украшен одним продольным углубленным желобком шириной 1–1,5 мм (рис. 1, 2). Верхний гребень имеет длину 20 и ширину — 4 мм, средний имеет длину 19 и ширину — 3–4 мм, нижний имеет длину 16 и ширину — 5 мм. Длина трубчатого футляра для оси 26, диаметр — 3–3,5 мм. Высота фибулы от верхнего выступа на трубчатом футляре до окончания ножки 35 мм. Дужка фибулы с наружной стороны сильно уплощена, спереди — слегка овальная, не огранена между перекладинами, и имеет S-образный профиль. Приемник фибулы подтреугольной формы. Игла и держатель приемника не сохранились, причем игла и верхний выступ на головке фибулы железные. Ножка оканчивается небольшим шариком, объемно выделенным от приемника фибулы. Судя по следам покрытия на внешней стороне фибулы, ее поверхность была, скорее всего, оцинкована.

По общепринятой классификации европейских фибул Оскара Альмгрена ладожская находка относится к классу перекладчатых фибул V группы 1 серии, и ее можно сопоставить, следуя приведенным таблицам (рис. 3), с типом 96 (Almgren 1897: 50–51, Taf. V, Fig. 96; 1923: 50–51, Taf. V, Fig. 96)². Обычно эти фибулы принято обозначать в европейской литературе как фибулы типа Альмгрена-96 (далее по тексту сокр. для всех типов фибул по О. Альмгрена: А80, А93, А96 и т. д. — О. Ш.). Эти застежки для одежды, исходя из общей морфологии и польского названия фи-

¹ Хочу выразить большую благодарность руководителю Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН, д. и. н. А. Н. Кирпичникову за передачу этой уникальной находки для данной публикации.

² Первым в частных беседах с коллегами на сходство фибулы из Старой Ладоги с фибулами V группы О. Альмгрена, в частности с типом 96, обратил внимание специалистов В. С. Кулешов.

бул «zapinki z trzema grzebykami» (Godłowski 1981: 96), иногда называли в отечественной литературе гребенчатыми (Кухаренко 1980: 43; Гей, Бажан 1997: 38), хотя, если дословно перевести название всей этой группы фибул «die Sprossenfibeln», данное еще до О. Альмгрена Отто Тишлером в 1878 г. (Tischler 1879: 181), то «die Sprosse» переводится только как «ступень» или «перекладина». Именно в упомянутой выше работе при анализе материалов восточнопрусских могильников О. Тишлер дал четкое определение фибул с гребнем (Fibeln mit Kamm, mit Korfkamm), фибул с валиками (Wulstfibeln) и с перекладинами (Sprossenfibeln). Достаточно часто фибулы 1 серии (A94–A98) в европейской литературе называют фибулами с тремя перекладинами («die Dreisprossenfibeln — Almgren 1897: 50–51; 1923: 50–51; Nowakowski 1996: 50; Hauptmann 1998: 159; «zapinki trojgrzebykowe» — Jaskanis, Okulicz 1981: 229–231), тем не менее мы будем использовать общепринятые в отечественной и европейской литературе термины — «перекладчатые фибулы» (Шукин 2002: 8–10; Шукин 2005: 431–432) или «die Sprossenfibeln» (Hauptmann 1998: 159). Дело в том, что перекладин на дужке фибул 1-й серии V группы О. Альмгрена не всегда три, например, у фибул A97 отсутствует третья перекладина на ножке, а разновидности балтийских фибул, которые развиваются из фибул IV группы по О. Альмгрена, имеют от двух до пяти перекладин (см: Моога 1938: Abb. 19; Nowakowski 1996: 157–159, Karte 6; Hauptmann 1998: Abb. 1, 7, 9, 12).

Большинство фибул типа A96 изготовлены из бронзы, крайне редко из серебра или железа, иногда их перекладки украшены снаружи плакировкой из золотой или серебряной фольги, как в частности, фибулы из Любовидского могильника (Wołagiewicz 1995: Taf. VI-16), из погребения 22/4 могильника Гроново (Hauptmann 1998: Abb. 5) или фибулы из могильников Марвале и Дауглаукиса (Михельбертас 2004: рис. 1-2; рис. 2-2). Классические фибулы типа A96 имеют всегда три перекладки. Верхняя перекладина находится ниже пружины, скрытой в трубчатом футляре. Средняя перекладина, часто наиболее длинная, находится в месте изгиба дужки, нижняя, обычно наиболее короткая, как бы является основной частью сильно изогнутой и ограненной ножки, которая имеет завершение у классических фибул A96 в виде небольшого шарика. Все фибулы имеют невысокий иглоприемник, обычно подтреугольной или трапециевидной формы (ср. описание фибул: Михельбертас 2004: 109).

Если тщательно проанализировать по морфологическим признакам ладожскую фибулу и сравнить с описанными выше морфологическими признаками классических фибул A96, то будут заметны не только их общие черты, но и явные морфологические различия. Дужка ладожской фибулы не огранена и сильно уплощена. Она имеет равномерную ширину и не сужается резко к концу, что сразу отличает ее от фибул типа A96. Все перекладки приблизительно одинаковы по длине, что совершенно не характерно для фибул A96, и украшены в средней части выемками для нанесения орнамента или эмали. Верхний, железный, сильно корродированный выступ на трубчатом футляре, вероятно, часть крепления железной иглы в специальной прорези в верхней части футляра, в котором находится ось. Эти признаки говорят о шарнирной конструкции, когда фибула имеет еще верхний крючок для упора снаружи и ось внутри футляра, что опять же не характерно для классических фибул A96. Ее очень маленькие размеры (32 мм) и железная конструкция крепления иглы также позволяют нам поставить под сомнение ее первоначальную атрибуцию, как типа A96.

Обратимся вновь к трудам О. Альмгрена, чтобы попытаться найти более близкие аналогии фибуле из Старой Ладogi.

Типологии и классификации перекладчатых фибул (краткий историографический обзор)

Большинству специалистов, занимающихся римской эпохой, хорошо известно, что далеко не все фибулы, представленные на таблицах в цитированном выше труде О. Альмгрена, вошли в нее и получили наименование конкретных типов. В недавно опубликованных архивных материалах, посвященных подготовке рукописи этой работы к печати, мы можем увидеть еще целый ряд фибул «второго плана», которые остались, несмотря на их особые морфологические признаки, за рамками известной классификации фибул О. Альмгрена, созданной первоначально как часть диссертации в 1896 г. (Almgren, Bohner 1998: 22–24). Это особенно видно на его рабочей таблице XI, из верхней части которой и была составлена итоговая «Таблица V» фибул 1-й серии V группы его знаменитого свода (Almgren, Bohner 1998: 24). Фибулы из Дерпта (совр. Тарту), представленные на ней, не вошли в итоговые таблицы, и одна из них вызвала особый интерес, исходя из темы нашего исследования (рис. 4). Эта фибула со спиральной конструкцией без трубчатого футляра имеет особые морфологические признаки: примерно одинаковые по длине три широких перекладки, и равномерной ширины, уплощенную, не ограненную дужку, т. е. признаки, которые мы считаем значимыми для атрибуции ладожской фибулы (рис. 2).

Знакомство с этими материалами послужило первоначальным толчком для обращения нашего взгляда на прибалтийские материалы. К большому сожалению, все балтийские разновидности фибул в труде О. Альмгрена были в его итоговой классификации сведены только в один тип — A98, что, конечно, не отражает ни в коей мере их многообразия и вариативности. Исследователь это прекрасно понимал, объездив за полгода 117 музеев от Бельгии до России и собрав огромный материал.

Обратимся к трудам тех исследователей, которые специально анализировали прибалтийский материал, и чьи работы О. Альмгрен использовал при подготовке этой главы. Это, прежде всего, работы одного из основоположников прусской археологической школы О. Тишлера.

Отто Тишлер одним из первых выделил и описал перекладчатые фибулы — «Sprossenfibeln» — на материалах восточнопрусских могильников. Он отнес их к классу «Т-образных фибул», к семье «A1» фибул с верхней тетивой и типу «с(γ)» шарнирных фибул с осью в трубчатом футляре (Tischler 1879: 191). Рассматриваемые им шарнирные бронзовые перекладчатые фибулы имели, чаще всего, железные иглы и были найдены, прежде всего, в Восточной Пруссии, не имея широкого межрегионального распространения в отличие от фибул со спиральной конструкцией. При этом О. Тишлер указал, что своим происхождением они связаны с более западными территориями. (Tischler 1879: 197–198).

О. Альмгрен писал, что, «следуя Отто Тишлеру, внутри 1-й серии V группы мы должны различать две ведущие формы. Первая форма представлена собственно восточнобалтийскими перекладчатыми фибулами типа A98: а) с трубчатым фут-

ляром, или позднее: б) только с массивной шарнирной осью, часто очень длинной, и с почти всегда многократно каннелированными перекладами.

Эти фибулы происходят от фибул IV группы, конкретно от формы A93, или от других указанных О. Тишлером разновидностей сильнопрофилированных фибул (Tischler 1879: Taf. III, Fig. 20, 23). Они ограничены территориально почти исключительно Восточной Пруссией и русскими прибалтийскими провинциями, и, в силу этого, имеют мало общего интереса» (Almgren 1897: 50). Отсутствие пристального интереса О. Альмгрена к прибалтийским материалам объясняется тем, что в диссертации и книге, вышедшей в 1897 г., исследовались, прежде всего, формы фибул, характерные для Северной Европы³, при этом ареал Северной Европы у О. Альмгрена охватывал не только Скандинавию, но и большую часть Западной Европы.

Альфред Хакман уделил балтийским перекладчатым фибулам в своих работах достаточно много внимания (Hackman 1905; 1921). В работе о железном веке Финляндии он среди фибул с креплением иглы в ушке (mit Ösennadeln) выделяет группу «А» перекладчатых фибул (Sprossenfibeln — Hackman 1905: 163). Он пишет, что, исследуя тип крепления иглы у восточнобалтийских фибул, можно сказать, что шарнирная конструкция у них появляется достаточно рано. Типы фибул, которые на других территориях встречены только с креплением иглы на спирали, на восточнобалтийских территориях представлены с иными конструктивными элементами: либо игла крепится через ушко в головной части фибулы, заменяющей шарнир: либо изогнута вокруг движущейся оси. Эти фибулы появляются еще на рубеже II–III вв., в то время как в Скандинавии шарнирная конструкция появляется только в эпоху переселения народов (Hackman 1905: 163). Автор анализирует на тот момент единственную перекладчатую фибулу из Финляндии из кургана в месте Lägpeidkangas, округ Вора (Österbotten), аналогии которой находит только среди восточнобалтийских фибул (Hackman 1905: 164, Taf. 4-2; Fund № 83). А. Хакман привел в этой работе первую классификацию восточнобалтийских фибул по конструктивным элементам, используя, прежде всего, материал восточнопруссских могильников (Hackman 1905: 165–166).

В более поздней работе, которая посвящена новым находкам балтийских перекладчатых фибул в Финляндии, (Hackman 1921: 72–76), была более четко детализирована типология перекладчатых фибул, которая была только намечена в предыдущей монографии. Следует при этом отметить, что подробный анализ деталей крепления иглы был проведен в этих двух работах, ввиду отсутствия серии находок из Финляндии, на восточнопрусском материале, изданном О. Тишлером в 1879–1880 гг. (Tischler 1879; 1880) и Х. Кемке в 1902 г. (Tischler, Kemke 1902). Именно Хенрих Кемке, подготовивший к изданию после смерти О. Тишлера значительную часть материалов раскопок могильников Долькайм и Варникам (см. о судьбе коллекции: Кулаков 2005), проанализировал восточнопруссские перекладчатые фибулы и указал А. Хакману на технологические детали способов крепления иглы, на основе которых и была составлена детальная типология последнего (Hackman 1905: 164, прим. 2).

А. Хакман пишет, что самые ранние перекладчатые фибулы еще имеют спираль и тетиву, которые заключены в трубчатый шарнир. Это фибулы типов A96 и A98 и они относятся к его типологической ступени 1 (Hackman 1921: 72).

³ О. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziären Formen. Stockholm, 1897.

Фибулы следующей — 2-й ступени развития (рис. 5) уже имеют в футляре только ось-шарнир, в центральной части которой крепится бронзовая или железная игла.

На 3-й ступени перекладчатые фибулы еще имеют и футляр, и ось внутри него, но на верхнем крае головной перекладки уже делается сквозное отверстие для крепления иглы.

На последней — 4-й ступени развития этих фибул футляр, сделавшийся ненужным, становится просто массивным валиком (Wulst), ниже которого или в котором делается отверстие для крепления иглы (Hackman 1921: 72).

Далее А. Хакман пишет, что ему неизвестны в Эстонии и Латвии фибулы с пружиной, тетивой и осью в футляре его самой ранней первой ступени. Но уже фибулы с трубчатым футляром и осью-шарниром внутри, к которой крепится игла (признаки второй ступени) характерны для Прибалтики (Hackman 1921: 73). Большинство прибалтийских перекладчатых фибул принадлежат, по его мнению, лишь к последней — 4-й ступени. Это фибулы с массивным валиком перед головной перекладкой.

Марта Шмидехельм в опубликованном докладе Эстонского научного общества г. Дерпта (совр. Тарту) «О так называемом готском вопросе на Балтике» специальный раздел посвятила перекладчатым восточнобалтийским фибулам (Schmidehelm 1923: 92–103), разделив их на две большие группы: «А» и «В».

В группе «А» она выделила четыре подгруппы: 1. Фибулы с валиками; 2. Перекладчатые фибулы с футляром и широкими перекладами; 3. Перекладчатые фибулы с футляром и узкими перекладами; 4. Перекладчатые фибулы с узкими перекладами и штангой (Stange) вместо футляра.

В группе «В» М. Шмидехельм выделила три подгруппы: 1. Сильнопрофилированные фибулы (Türseler Typus); 2. Перекладчатые фибулы с футляром, с украшенными перекладами, широкой головкой и трехчастной ножкой; 3. Перекладчатые фибулы со штангой-псевдофутляром, с украшенными перекладами, широкой головкой и трехчастной ножкой; (Schmidehelm 1923: 93).

На тот момент М. Шмидехельм были известны 87 перекладчатых фибул из Прибалтики, из них 64 происходили из Эстонии. Мы остановимся, прежде всего, на анализе группы «А» (далее типы A1, A2, A3, A4 по М. Шмидехельм — рис. 6).

Разбирая ранние фибулы с валиками из Эстонии, которые в целом соответствуют типу A93, М. Шмидехельм отметила, что они большей частью с шарнирной конструкцией, а не со спиралью, как собственно сам тип A93. Фибулы с валиками, по О. Альмгрена, вообще были распространены в Восточной и Западной Пруссии, а также в восточной части Швеции. Переход к шарнирной конструкции, по мнению М. Шмидехельм, произошел в Восточной Пруссии и поэтому можно все балтийские экземпляры таких фибул считать происходящими именно оттуда (Schmidehelm 1923: 94). Эти фибулы М. Шмидехельм предлагает датировать началом периода «С» по О. Тишлеру. Основанием для такой даты является закрытый комплекс из Восточной Пруссии — погр. 1 Neu-Bodschwinken, в котором шарнирная фибула с валиком (Wulstfibeln-A93) была найдена вместе с ранней подвязной арбалетной фибулой A162 (Almgren 1897: Beilage II, 226).

Фибулы типа A2 с широкими перекладами и трубчатым футляром по М. Шмидехельм, еще являются, по нашему мнению, сильнопрофилированными фибулами с более широкой дужкой и слегка удлиненными перекладами (RK, 1896: IV: 24, 25). Фи-

булы типа А3 с футляром и осью-шарниром внутри и узкими перекладинами, каждая украшена одним желобком. Очень часто эти фибулы имеют достаточно широкую и слегка бесформенную сильно уплощенную дужку. Вверху прорези грубчатого футляра видна верхняя часть крепления иглы (RK, 1896: Taf. V-20). По морфологическим признакам (футляр с осью внутри, узкие перекладки с одним желобком) ладожская фибула может относиться именно к этой группе фибул, к типу А3.

Фибулы типа А4 со штангой вместо футляра и отверстием в верхней перекладине для крепления иглы представлены наиболее массово в южной Эстонии. Развитие футляра в штангу нигде не произошло, по мнению М. Шмидехельм, кроме балтийских стран и локализуется в областях южной Эстонии и северной Латвии. Так как здесь закрытые комплексы отсутствуют, то датировка может быть произведена только по типологическим критериям. Этот технический переворот или «ноу хау» в способе крепления иглы можно отнести к концу периода «С» или к началу периода «D» (Schmidehelm 1923: 97–98).

Все фибулы причудливой формы (bizarer Gestalt), с большим числом перекладин и разнообразными способами декора (Ziergat) отнесены ею к группе «В» (Schmidehelm 1923: 99–102; RK 1896: Taf. 5: 16, 17, 22–27), которую мы в данной работе разбирать не будем.

Уже после принятия этой работы в печать М. Шмидехельм посетила Прусский музей (Prussia-Museum) в Кенигсберге. Она отметила, что в Восточной Пруссии перекладчатых фибул, полностью подобных эстонско-латвийским экземплярам, нет совсем. Но именно восточнопруссские фибулы дали импульс к дальнейшему развитию этой формы. Большое значение, имеют напротив перекладчатые фибулы из области Мемеля, где наряду с немногочисленными восточнопруссскими формами встречены местные формы, для которых характерны длинные перекладки, удлиненная тонкая ножка, узкая дужка и шарнирная конструкция. Очень близки эстонским фибулам типа В3 (RK 1896: V: 23, 24, 27, 28) литовские фибулы, которые происходят из закрытых комплексов периода «С», в которых они встречены вместе с гривнами с грибовидными концами (mit Pilzknopfenden) (Schmidehelm 1923: 103).

Харри Моора в своей диссертации о железном веке Латвии посвятил отдельную главу восточнобалтийским перекладчатым фибулам (Моора 1938: 81–100). Он пишет, что эти фибулы в римское время имели широкое распространение в Восточной Прибалтике. В Латвии ему известно 68 находок, в Эстонии 111, а из Литвы (без Мемельской области) только 15 экземпляров. Эти фибулы разделяются на три группы, которые концентрируются в различных областях и развиваются типологически в различных направлениях. Это: 1) эстонско-северолатвийская или северо-восточнобалтийская группа, к которой в Латвии можно отнести 54 фибулы; 2) мемельская группа и 3) висленская группа (Моора 1938: 82). Восточнобалтийские, или точнее, северо-восточнобалтийские фибулы своим происхождением обычно связываются с территорией Восточной Пруссии. А. Хакман в работе, посвященной находкам балтийских перекладчатых фибул в Финляндии (Наскман 1921: Аб. 13) указал на Восточную Пруссию (Самбию и Натангию), как на области, где ему известны самые ранние образцы балтийских перекладчатых фибул. Х. Моора выступил против этой гипотезы. Он пишет, что, основываясь еще на ранее высказанных идеях О. Тишлера и О. Альмгрена, можно считать, что восточнобалтийские фибулы происходят от известной мазурской группы фибул. Появление в Мазурии ранних пе-

рекладчатых фибул (Моора 1938: Аб. 18, 4–6) было связано с импульсом из области Вислы, где эти формы фибул можно указать уже для конца II в. (Моора 1938: Аб. 16, 7). Но в то время, когда в области нижней Вислы перекладчатые фибулы находились еще на ступени «Wulstfibel» — фибул с валиками, в Мазурии появляются уже подлиннее фибулы с перекладинами, профилировка которых уплощается и перекладки удлиняются по обе стороны дужки. В Мазурии они становятся многообразнее и гораздо многочисленнее, чем в области Вислы.

Х. Моора выделил компактную группу литовско-южнолатвийских маленьких перекладчатых фибул (Моора 1938: Аб. 19, 4, 7), которые являются, по его мнению, прототипами (рис. 7) для маленьких южноэстонско-северолатвийских перекладчатых фибул (Моора 1929: Taf. VI: 1, 2). Им была проведена первичная классификация типов перекладчатых фибул и представлена схема их относительной и абсолютной хронологии.

1 стадия. Мазурские фибулы со спиральной конструкцией в футляре и литовско-южнолатвийская группа аналогичных по конструкции фибул.

2 стадия. Фибулы с сильно уплощенными перекладинами, с осью-шарниром в футляре.

3 стадия. Деградирующие типы больших по размеру фибул с псевдосарнирами и узкими перекладинами.

Обратимся к северо-восточнобалтийской группе перекладчатых фибул.

Х. Моора изменил рассмотренную выше классификацию М. Шмидехельм и разделил группу «А», не учитывая выделенных ею четырех подгрупп, лишь на две серии, из которых первая имеет североэстонское распространение, а вторая южноэстонско-северолатвийское (Моора 1938: 86)⁴.

Вторая серия северо-восточнобалтийских фибул (южноэстонская группа) представлена в южной Эстонии и северной Латвии очень многочисленно (рис. 8), при этом есть находки таких фибул и в Финляндии (Моора 1938: 88–89). Эти фибулы обычно очень маленькие. Самые ранние перекладчатые фибулы (Моора 1929: Taf. VI: 1, 2) этой серии имеют еще грубчатый футляр с осью, который тоньше, чем у ранних фибул первой серии. Также их перекладки более плоские и почти не выступают над внешней поверхностью дужки фибулы. Перекладки украшены чаще всего широким плоским желобком. Дужка фибул уплощена и не фасетирована, в то время как эти детали характерны для фибул первой серии. Окончание ножки не имеет строго определенной формы, иногда только можно заметить на ней следы слабой профилировки. Держатель иглы короткий. Обычно ось и игла этих фибул изготовлены из железа, реже из бронзы. Фибулы с этими признаками часто имеют очень расплывчатую (verschwohmene), неопределенную форму (рис. 9). Даже о самых ранних фибулах первой ступени, встреченных в северной Латвии и южной Эстонии, можно сказать, что они имели длительный эволюционный путь развития и даже прошли через этап частичной деградации. На основании того, что в юго-западной Латвии (могильник Gailīši) и Литве найдены близкородственные второй серии ранние формы фибул (см: Моора 1938: Taf. 19-4), Х. Моора пришел к выводу, что вторая серия фибул появилась изначально именно в этих областях и оттуда на уже развитой стадии продвинулась в северную Латвию и южную Эстонию (Моора 1938: 88–89).

⁴ Ввиду сокращенного объема статьи, мы приводим описание лишь тех групп, типов и серий, к которым может относиться фибула из Старой Ладogi. Все остальные собранные материалы в полном объеме будут опубликованы в другом издании.

В данной работе Х. Моора, по нашему мнению, более подробно, чем его предшественники, проанализировал восточнобалтийский материал и выделил две серии перекладчатых фибул своей подгруппы «А», которые имеют различное происхождение, разные ареалы распространения и бытуют в разное время. В тоже время им не была использована более дробная и тщательная типология М. Шмидехельм, и в силу этого не всегда в данной работе учитывались при выделении его двух серий конструктивные элементы крепления иглы.

Из значимых для данной темы работ я хотел бы еще кратко проанализировать статью Томаса Хауптмана в юбилейном томе, посвященном столетию выхода знаменитой работы О. Альмгрена (Hauptman 1998: 159–173). Автор по возможности составил максимально полный каталог всех находок фибул V группы 1-й серии О. Альмгрена (A94-98) и произвел их классификацию, разделив фибулы на шесть серий (Hauptman 1998: 162, Ab. 1). Т. Хауптман смог учесть в каталоге 640 фибул из 305 мест находок Германии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Скандинавии. Балтийские фибулы, представленные в классификации О. Альмгрена только типом A98, были разделены данным автором на 4 серии, из которых серия 3 разделена еще на три варианта и серия 5 на два варианта (рис. 10). Мы не будем подробно рассматривать фибулы 3-й серии перекладчатых фибул (группа Мемель–Самбия) в силу их явных морфологических отличий от анализируемой нами ладожской фибулы (Hauptman 1998: Ab. 1, 9–11).

В серию 5 выделены им на основании описанной выше работы Х. Моора перекладчатые фибулы северо-восточнобалтийской группы (Hauptman 1998: 169, Ab. 1, 13, 14). Т. Хауптман различает в этой группе также два варианта, но они не совпадают с двумя описанными выше сериями подгруппы «А» Х. Моора. Первый вариант Т. Хауптмана распространен в Эстонии и Северной Латвии. Эти фибулы восходят непосредственно к его 4-й серии ранних балтийских перекладчатых фибул, которые были в начале III в. распространены в Мазурии и Повисленье (рис. 11). Ранние прототипы часто имели еще широкие валики вместо перекладин с желобчатым орнаментом. Частично прототипы имели еще спиральные конструкции в трубчатом футляре, частично уже — ось-шарнир. В начале III в. из них развиваются самостоятельные формы его 5-й и 6-й серий (Hauptman 1998: 167, 169, Ab. 12). Фибулы 1-го варианта очень маленькие — 3–5 см длиной, три широких перекладины украшены равномерно неглубокими желобками для нанесения орнамента. Некоторые фибулы еще имеют трубчатый футляр для шарнира, в то время как у большинства не сохранившаяся железная игла закреплена в отверстие в головке фибулы. Поэтому окончание головной части фибулы состоит из выступа-штанги (Stange), возвышающегося над верхней перекладиной, который является несомненным типологическим рудиментом трубчатого футляра со спиральной или шарнирной конструкциями. Бронзовые фибулы часто носят следы покрытия цинком (рис. 12).

Второй вариант северо-восточнобалтийских фибул 5-й серии Т. Хауптмана, имеющих узкие перекладины и крупные размеры («подгруппа В» по Х. Моора), мы в данной работе не рассматриваем.

Можно отметить по поводу данной работы, что обобщение огромного археологического материала из стран Балтийского региона, выделение Т. Хауптманом семи вариантов балтийских фибул, является, несомненно, важным вкладом в решение вопросов происхождения, развития и распространения перекладчатых фибул. К сожалению, автор, выделяя вслед за Х. Моора северо-восточнобалтийскую

группу фибул в свою 5-ю серию, объединил материал двух серий «подгруппы А» Х. Моора в один 1-й вариант, вероятно, исходя из их территориальной нерасчлененности и суммарной датировки. Тем самым Т. Хауптман не учел важные морфологические и хронологические отличия северозападных от южнозападных и северозападных фибул. На карте перекладчатых фибул 5-й серии, представленной Т. Хауптманом (Hauptman 1998: 169, Abb. 13), можно выделить как минимум четыре отдельных компактных ареала, и, несомненно, было бы интересно проанализировать их морфологические отличия или их сходство. Но по данным, приведенным автором в каталоге, это невозможно, так как у картированных находок не указаны варианты и даже серии фибул.

На основании краткого анализа данных работ, посвященных классификации восточнобалтийских фибул, мы можем отнести ладожскую фибулу к первой восточнобалтийской группе фибул О. Тишлера, к первой восточнобалтийской форме перекладчатых фибул первой серии V группы О. Альмгрена, к типу A3 по М. Шмидехельм, ко 2-й ступени развития фибул перекладчатых фибул по А. Хакману, ко 2-й «южнозападной» серии подгруппы «А» северо-восточнобалтийских фибул по Х. Моора и к 1-му варианту 5-й серии северо-восточнобалтийских фибул по Т. Хауптману.

Хронология северо-восточнобалтийских фибул (историографический обзор различных точек зрения)

По работам последней трети XIX – первой трети XX в. О. Тишлера (Tischler 1879), О. Альмгрена (Almgren 1897; 1897; 1923a), А. Хакмана (Hackman 1905; 1921), М. Шмидехельм (Schmidehelm 1923) и Х. Моора (Moora 1929; 1938), эти фибулы часто обобщенно датировались, начиная с конца II по V в., причем основное время бытования этих фибул падает на III–IV вв. Попробуем проанализировать различные точки зрения и уточнить дату ладожской фибулы.

О. Тишлер писал, что восточнопрусские перекладчатые фибулы можно датировать не ранее второй половины III в. (поздним периодом «С» — 250–300 гг.), отметив при этом, что фибулы с тремя перекладинами — не римского происхождения и изготовлены на месте варварами (Tischler 1879: 222).

А. Хакман датировал фибулы с трубчатым футляром всем периодом «С» О. Тишлера (200–300 гг.), но фибулы с шарниром вместо футляра и отверстием в головной перекладине отнес уже только к IV в., т. е. к периоду «D» (Hackman 1905: 165).

О. Альмгрен также датировал восточнобалтийские фибулы первой формы обобщенно только позднеримским периодом (200–300 гг.) или периодом «С» по О. Тишлеру, (Almgren 1897: 50).

Макс Эберт очень кратко коснулся вопросов классификации и хронологии восточнобалтийских перекладчатых фибул (Ebert 1913: 537–538). При этом он использовал в качестве иллюстративного материала публикацию экспонатов археологической выставки в Риге, подготовленной к X Археологическому съезду в 1896 г. (RK, 1896: Taf. 4, 5). М. Эберт к началу периода «С» относит еще переходные формы фибул от сильнопрофилированных к перекладчатым с широкими и короткими перекладинами (RK, 1896: Taf. 4: № 24, 25). Далее он выделяет группу близкостоящих (nahestehende) к ним маленьких и средних размеров перекладчатых фибул, которые имеют длинные узкие перекладины с одним узким желобком посредине

(RK, 1896: V: 18, 19, 27, 28). Так как к позднему отрезку периода «С» он отнес только большие перекладчатые фибулы (тип В3 по: Schmidehelm 1923) с узкими перекладчинами, фигурными ножками и треугольной головкой с окончаниями в виде рогов (RK, 1896: Taf. 5: 16, 17, 22–25), то в данном случае маленькие перекладчатые фибулы, близкие по типу ладожской фибуле отнесены им только к III в. (рис. 13), скорее всего, ко второй половине (250–300 гг.).

А. Хакман в статье, посвященной балтийским фибулам из Финляндии, датировал комплекс из Ускела-Кетохака, в котором найдена маленькая перекладчатая фибула с трубчатым футляром, железной осью и железной иглой второй половиной III – первой половиной IV в. При этом автор считал, что эта фибула относится уже к его 4-й ступени эволюции, когда футляр не функционален, и есть отверстие для крепления иглы. Мы считаем, что данная фибула относится ко 2-й ступени эволюции перекладчатых фибул и может датироваться даже первой половиной III в., так как наиболее близкая по типу фибула с осью-шарниром в футляре из Wilksnas Karusils, Ronpenburg отнесена им именно к этому времени (Hackman 1921: 73).

М. Шмидехельм в работе 1923 г. отнесла выделенные ею типы А1, А2, А3 перекладчатых фибул к периоду «С» по хронологии Тишлера–Блюме, при этом лишь прайформу этих фибул – тип А1 сильнопрофилированных фибул с валиками она отнесла к раннему отрезку периода «С». Перекладчатые фибулы с узкими перекладчинами и штангой вместо футляра типа А4 М. Шмидехельм датировала поздним отрезком периода «С» и началом периода «D». Таким образом, фибулы типа А3, к которым относится ладожская фибула может относиться только к III в., не заходя в IV в. (Schmidehelm 1923: 96–98).

Х. Моора полагал, что ранние прототипы перекладчатых восточнобалтийских фибул его первой серии – мазурские фибулы со спиральной конструкцией в футляре и прототипы второй серии – литовско-южнолатвийские фибулы с такой же конструкцией, можно датировать около 200 г. или началом III в. Фибулы с сильно уплощенными перекладчинами, с осью в футляре уже датируются автором только III в., а многие, встреченные в Литве, деградированные типы больших фибул можно отнести только к IV в. (Моора 1938: 92).

Все фибулы второй «южноэстонской серии» он предлагает датировать не ранее, чем рубежом III–IV вв., большей частью уже только IV веком. Некоторые данные, по его мнению, говорят о том, что эти фибулы были в употреблении и в V в. (Моора 1938: 92). При этом он выделяет среди южноэстонской серии фибулы ранней 1-й ступени (Моора 1929: Taf. VI: 1, 2), которые имеют футляр с осью внутри и фибулы 2-й поздней ступени со штангой вместо футляра (Моора 1929: Taf. VI: 3–6). Ладожская фибула, несомненно, относится к ранней 1-й ступени эволюции этих фибул.

М. Шмидехельм в работе 1955 г., где она анализирует материал римского времени северо-восточной Эстонии, в основном принимает даты бытования перекладчатых фибул, предложенные Х. Моора в его диссертации 1938 г. (Шмидехельм, 1955). Одну из самых ранних для северо-востока Эстонии перекладчатых фибул, происходящую из «могильника Е» Ябара, с двумя небольшими перекладчинами и спиральной конструкцией в футляре она датирует рубежом II–III вв. (Шмидехельм 1955: 92, рис. 22-1). Перекладчатую фибулу очень близкую по типу ладожской, происходящую из оградки VII могильника Пада, она относит уже к рубежу III–IV вв. Фибула имеет небольшие, почти одинаковые перекладчины, украшенные плоским широким желобком и равномерную по ширине уплощенную дужку

с окончанием в форме кнопки. Такие фибулы, по ее мнению, очень характерны для южной Эстонии и для территории распространения каменных могильников в северной Латвии (Шмидехельм 1955: 120, рис. 29-5).

В более поздней работе М. Шмидехельм и С. Лаул, разбирая материал каменного могильника с оградками Лоози (Loosi) в Выруском районе юго-восточной Эстонии, датировали маленькие перекладчатые фибулы «южноэстонского типа» также III–IV вв. При этом трупосожжения в оградках на этом могильнике продолжались до VI в. включительно (Schmidehelm, Laul 1970: 154–155, joon 2-6).

В коллективной монографии, посвященной археологии Эстонии в I–V вв., перекладчатые фибулы «южноэстонского» типа датируются очень обобщенно – III–V вв. (Jaaniits, Laul, Lõugas, Tõnisson 1982: 227, joon. 155-4).

М. Михельбертас принимает для так называемых «угро-финских» или эстонских фибул датировку Х. Моора – основное время их бытования падает на III–IV вв., некоторые из них доживают до V в. (Michelbertas, 1998: 428).

Т. Хауптман датирует свой первый вариант 5-й серии «северо-восточнобалтийских фибул, принимаемая также датировку Х. Моора: от конца III до V в. включительно» (Hauptman, 1998: 170).

Сильвия Лаул в недавно вышедшей монографии разбирает перекладчатые фибулы юго-восточной Эстонии (Laul 2001: 103–107, joon. 37). 14 перекладчатых фибул из 160, найденных на этой территории, являются прототипами или предшественниками и датируются ею рубежом II–III вв. (Laul 2001: 103, joon. 37-3, 7-9). Далее, сравнительно большие фибулы, у которых головная перекладчина удалена от футляра и в этой части есть отверстие для крепления иглы, она считает более ранними типами перекладчатых фибул для данного региона и датирует их III–IV вв. (Laul 2001: j. 105–106, 268, joon. 37-1). Маленькие фибулы южноэстонской серии с футляром для оси-шарнира С. Лаул относит к самым поздним типам перекладчатых фибул и датирует их IV–V вв. (Laul 2001: j. 106–107, 268, joon. 37–2). К сожалению, доказательств этих выводов или хотя бы иллюстраций выделяемых ею комплексов внутри отдельных оградок для проверки этих данных в монографии не приводится.

После анализа данных работ у меня возник закономерный вопрос, почему в работах конца XIX – первой четверти XX в. исследователи приводили достаточно узкую датировку маленьких перекладчатых фибул, и лишь после работ Х. Моора все его последователи – представители эстонской археологической школы – стали датировать перекладчатые фибулы в более широких рамках.

К вопросу о прибалтийской хронологии позднеимского времени

Для всех, кто обращался к датировкам материалов римского времени из Прибалтики, становится сразу понятным, что существуют достаточно серьезные расхождения между центральноевропейской и прибалтийской хронологиями. Последняя имеет явную тенденцию к завышению абсолютных дат границ всех трех периодов – «В», «С» и «D» (Щукин 2005: 323).

Одной из важных причин, которая, по нашему мнению, повлекла за собой серьезное запаздывание абсолютных дат для эпохи позднего Рима в Прибалтике при сравнении со шкалой абсолютной хронологии римского времени, принятой в Цент-

ральной Европе и Скандинавии, явилось принятие системы абсолютной хронологии О. Тишлера в интерпретации Х. Кемке. Последний подготовил неизданные материалы раскопок могильника Доллькайм уже после смерти О. Тишлера и в предисловии написал, что период «С» по относительной системе хронологии О. Тишлера необходимо понимать в абсолютных датах, как III–IV вв. (Tischler, Kemke 1902: 13). Эта ошибка или, скорее, личная поправка Х. Кемке, подтвержденная позднее в 1913 г. мнением такого крупного авторитета, как М. Эберт (Ebert 1913), была принята также в работе М. Шмидехельм (Schmidehelm 1923) и в каталоге археологической выставки в Риге в 1930 г. Так появились с легкой руки Х. Кемке неразрывные III–IV вв. в системе прибалтийской хронологии, или в абсолютных датах — 200–400 г., которые полностью соответствовали: периоду «поздних находок» («jüngere Funde») Софуса Мюллера в его работе 1874 года и «периоду V» Оскара Монтелиуса, в работе 1890 года.

Во всех своих работах О. Тишлер, не приводя, правда, при этом особых доказательств предложенным абсолютным датам, свой период «С» датировал либо отрезком времени между 200–300 г. либо между 175–300 г. (Tischler 1880a; 1880b; 1888). Правильно цитировали и использовали хронологическую систему О. Тишлера такие исследователи, как А. Хакман (Hackman 1905; 1921); Р. Хауссман (Hausman 1896a, 1896b); О. Альмгрен (Almgren 1897; 1923); Эрих Блюме (Blume, 1912), причем два последних автора развили ее и создали собственные хронологические системы европейской хронологии. О. Альмгрен в работе о фибулах 1897 года период позднеримского времени, следуя О. Тишлеру, а не своему непосредственному учителю О. Монтелиусу, ограничил отрезком только между 200 и 300 г. а Э. Блюме свой позднеримский период «С» также датировал только — 200–300 г.

В статье, заказанной Максом Эбертом для XIII тома «RealLexicon» о юго-восточной Прибалтике, А. Фридендалем была вновь повторена схема Тишлера–Кемке деления римского времени на два периода — раннеримский «В» и позднеримский «С», которые датировались соответственно 0–200 г. и 200–400 г. (Friedenthal 1928: 7).

Были сделаны и попытки изменения хронологии О. Тишлера (Kemke 1902, 13) для создания своей шкалы прибалтийской хронологии.

Вальтер Гинтерс в тексте каталога по римскому времени для археологической выставки 1930 г. в Риге написал, что существует переходный период, когда находки раннеримского и позднеримского времени в Прибалтике в первой половине III в. сосуществуют, и поэтому границу между периодами нужно проводить не около 200 г., как у О. Тишлера, а около 250 г. При этом, его позднеримский период, соответствующий позднеримскому периоду «С» для Восточной Пруссии по Тишлеру–Кемке, заканчивается не в 400 г., а в 350 г. Далее начинается период «D» (Ginters 1930: 4).

Можно заметить, что в данном случае позднеримский период В. Гинтерса полностью соответствовал периоду V:1 позднеримского времени О. Альмгрена–Б. Нермана, выделенному на материалах Готланда (Almgren, Nerman 1935).

Позднее в 1938 г. с выходом второго тома диссертации Х. Моора «Железный век Латвии до 500 г. н. э.» эта ситуация изменилась еще более странным образом. Х. Моора прекрасно знал работы самого О. Тишлера (Moora 1938: 96–97, 585–586), но полагал, что применять его систему относительной и абсолютной хронологии для восточнобалтийского материала нельзя. Он писал: «Так как германские и вос-

точнопруссские формы, как правило, здесь быстро трансформируются (изменяются) и в отдельных культурных группах часто имеют совершенно иную продолжительность жизни, чем в местах их происхождения и бытования, то невозможно в восточнобалтийском регионе, за исключением области Мемеля, принять систему периодизации О. Тишлера. Отклонение отдельных восточнобалтийских типов от восточнопруссских настолько сильно, что втискивание местного материала в рамки восточнопруссских ступеней приведет к многочисленным ошибкам. Исходя из этого, в данной работе весь римский материал разделяется не по общепринятой у нас и многократно используемой схеме (Тишлера. — О. III.), а мы разделяем изначально римский материал на две ступени, из которых первая — раннеримская, охватывает время до 200 г. н. э., а вторая — позднеримская — от 200 до 400 г.» (Moora 1938: 636–637).

Таким образом, отказываясь принимать для восточнобалтийских древностей хронологическую систему самого О. Тишлера (Tischler 1880a; 1880b; 1888), Х. Моора принял абсолютные даты для своих двух ступеней в варианте Х. Кемке, которую большинство прибалтийских ученых, особенно после работ М. Эберта и М. Шмидехельм, считали окончательным вариантом системы периодизации самого О. Тишлера. Постулаты Х. Моора об иных темпах развития восточнобалтийских комплексов по сравнению с восточнопруссскими, о другой продолжительности времени бытования местных типов вещей, чем в Восточной Пруссии или в Повисленье, остались в его работах интересной и, несомненно, важной гипотезой, но, увы, не подкрепленной никакими строгими научными доказательствами.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация. Те ученые, которые искали аналогии своим находкам в закрытых комплексах восточнопруссских могильников, датировали их, опираясь на хронологию О. Тишлера (в изложении Х. Кемке. — О. III.). При этом, если в 30 приведенных Х. Кемке таблицах, составленных О. Тишлером еще к Берлинской выставке 1880 г., предмет был отнесен им к периоду «С», то О. Тишлер понимал, что данный тип датируется только III в., но с поправками Х. Кемке 1902 г. данная аналогия уже датировалась III–IV вв.

Те же, кто следовал в своих работах системе прибалтийской хронологии по Х. Моора, получал для своих комплексов или отдельных типов вещей те же широкие даты одной из двух ступеней: либо раннеримской — 0–200 г., либо позднеримской — 200–400 г.

В итоге, применение любой хронологической системы (восточнопруссской или прибалтийской) по совершенно разным причинам приводило к одинаково завышенным датировкам целого ряда комплексов или отдельных типов находок.

Авторитет О. Тишлера, М. Эберта, М. Шмидехельм в довоенное время был настолько велик, что никто не усомнился в том, что возможна ошибка в датах периодов по О. Тишлеру. Усомнился лишь в 1951 г. Ханс Юрген Эггерс, когда создавал свою систему абсолютной и относительной хронологии. Он даже не упомянул работы О. Тишлера и Х. Кемке 1902 г., при этом все небольшие статьи самого О. Тишлера были им разобраны и на хронологической таблице Х. Ю. Эггерса видно, что никогда ни в одной из работ О. Тишлер не датировал свой период «С» III–IV вв. (Eggers 1955: 230–233, Ab. 12). Точно так же никто не усомнился в достоверности предложенных Х. Моора абсолютных дат его периодов, и в его идеях о запаздывании в целом прибалтийских типов находок римского времени при сравнении с восточнопруссскими и центральноевропейскими. Его высказанные в 1938 г. гипо-

тезы стали научными постулатами, особенно после Второй мировой войны. К тому времени, в советской Прибалтике нельзя было опираться на мнение буржуазных немецких ученых, и идеи о самобытности системы прибалтийской хронологии римского времени, подкрепленные непререкаемым авторитетом профессора Тартуского университета д. и. н. Х. Моора, стали на долгое время аксиомой для прибалтийских археологов. Эти идеи о разных темпах развития местных типов вещей и «восточнопруссских импортов» были, по сути, продолжением спора между сторонниками «короткой» и «длинной» хронологии в европейской науке.

Х. Ю. Эггерс в 1951 г. выпустил монографию, в которой было проведено блестящее исследование римского импорта в *Germania Libera*. Эти исследования во многом предопределили основные методические принципы в его следующей известной работе по созданию системы абсолютной хронологии римского времени в Свободной Германии (Eggers 1955). Во многом система хронологии Х. Ю. Эггерса была построена на ранних работах О. Тишлера, его буквенных обозначениях периодов (А, В, С, D, E) и предложенных им еще в 70–80-х гг. XIX в. условных для автора абсолютных датах периодов (Tischler 1879; 1880a; 1880b; 1888).

В этой работе Х. Ю. Эггерс ставит два основных вопроса: 1) был ли римский импорт, как утверждает Гуннар Экхольм и другие исследователи, дольше в обращении и позднее попал в землю, чем соответствующие германские находки, или, как утверждает Ханс Норлинг-Христенсен, короткое время, и поэтому для импорта в целом нет других законов бытования, чем для местных форм; 2) можно ли говорить на основе римского импорта об абсолютном возрасте ступеней римского времени в Свободной Германии (Eggers 1955: 198). По нашему мнению, первый вопрос для хронологии римского времени Свободной Германии в целом можно было бы определить таким образом: всегда ли можно опираться при датировке выделенных фаз, периодов или закрытых комплексов на даты монет или римских импортов или считать более реальными даты, полученные на основе изучения местных типов вещей, которые могут иметь свои темпы бытования? Х. Ю. Эггерс в своих работах ответил на оба вопроса утвердительно, отдав лавры и венец Х. Норлинг-Христенсену, и с 50-х гг. прошлого столетия представители «короткой» хронологии по сей день «прочно сидят в седле».

Дальнейшее совершенствование системы европейской хронологии шло по линии сужения и уточнения дат периодов и их проверки письменными источниками. (Godłowski 1970; Wolągięwicz 1970). При этом работа велась только с закрытыми комплексами и ввиду приведенных Х. Ю. Эггерсом, К. Годловским, Р. Волагеви-чем доказательств единых темпов бытования местных и импортных типов находок на огромных пространствах Барбарикума, всюду была принята система короткой хронологии Эггерса–Годловского. Всюду, но только не в Прибалтике. По этому пути восточнобалтийская археология не пошла. Одна из причин этого была вполне понятной и объективной — отсутствовали серии закрытых комплексов римской эпохи на территории Эстонии и Латвии, вторая уже была субъективной — даже то немногое, что было раскопано, почти не было опубликовано или было опубликовано на местных языках. Поэтому проверить запаздывание местных типов вещей или их синхронность с восточнопруссскими и европейскими «импортами» было практически невозможно. По этим двум причинам и О. Альмгрен, и Х. Ю. Эггерс, и К. Годловский не смогли обработать этот материал и сравнить его с материалом европейского Барбарикума.

Предварительно можно выделить несколько причин запаздывания абсолютных дат шкалы римского времени в Прибалтике.

Первой и наиболее важной причиной, по нашему мнению, явилось ошибочное понимание системы абсолютной хронологии О. Тишлера ввиду поправок Х. Кемке. В итоге, те немногочисленные идентичные типы фибул, которые распространены и в восточнобалтийском, и в западнобалтийском, и в европейских регионах, прекращают бытовать в Пруссии и в Польше в III веке, исходя из абсолютных дат, принятой для этих регионов хронологической системы Эггерса–Годловского, но при этом продолжают якобы бытовать в Эстонии, Латвии и Литве в IV в., а типы изделий, прекратившие свое бытование в европейском Барбарикуме в IV в., продолжают там же якобы бытовать в V в., так как период «D» по Х. Кемке датировался так же широко: IV–V вв. (300–500 гг.).

Второй причиной является научная аксиома Х. Моора о запаздывании местных типов предметов по отношению к импортам и их особым темпам бытования. Мы знаем на сегодняшний день целый ряд работ, где проанализирован материал римского времени Литвы, Латвии и Эстонии (Beckman 1969; Michelbertas 1986; Nowakowski 1996; Hauptman 1998; Quast 2004), и в них показано, что местный материал датируется синхронно «европейским импортам» и у него нет иных специфических темпов бытования. Периоды по 200 лет для датировок отдельных типов вещей или комплексов на сегодняшний день являются анахронизмом. «Лишнее время» действует сегодня только в Прибалтике, и необходимо произвести перевод часов назад, на европейское время.

Некоторые хронологические выводы

Таким образом, если подвести итоги этому краткому разбору позиций различных авторов, исключая те, где приводятся общие датировки, то получается, что существуют две основных точки зрения на хронологию маленьких переключатых фибул «южноэстонской серии».

1. Позднее появление. Маленькие переключатые фибулы «южноэстонской серии» входят в моду к концу III в., активно используются в течение IV в. и исчезают в V в. В тех работах, где эти фибулы анализируются отдельно, они датируются не ранее 300 г. и основное время их бытования относится к IV в. (Моора 1938; Шмидельхельм 1955; Hauptman 1998; Laul 2001).

2. Раннее появление. Фибулы датируются только III в., иногда только его второй половиной (Ebert 1913; Hackman 1921; Schmiehelm 1923).

Я хотел бы отметить, что в тех работах, где специально обсуждается и анализируется позднее появление маленьких южноэстонских фибул, речь идет о том, что они появляются на одном из завершающих этапов эволюции данного типа переключатых фибул, которая происходила в течение III в. только на территории юго-западной Латвии и Литвы (Моора 1938: 93). Но этому противоречат известные нам данные (рис. 13).

На основе анализа многочисленного материала Т. Хауптман выявил, что ранние прототипы северо-восточнобалтийских фибул, выделенные им в 4-ю серию фибул балтийской группы, представлены не только в этих регионах, но также в Мазурии, в северной Эстонии и на нижней Висле (Hauptman 1998: Abb. 11). Ран-

ние прототипы из латвийских курганов в Gailīši, имеющие еще спирали в футляре, датируются рубежом II–III вв., т. е. фазой **B2/C1**. Часть прототипов эстонских фибул на литовском взморье уже имеет оси-шарниры в футляре. Т. Хауптман проверил даты закрытых комплексов с такими фибулами и в итоге всю 4-ю серию ранних балтийских фибул отнес также к фазе **B2/C1**–**C1a**. Этим же временем датирует все разновидности балтийских перекладчатых фибул, включая фибулы мазурского типа, найденные в Самбии, Натангии и Мазурии, и Войтек Новаковский (Novakowski 1996: 50–51; Hauptman, 1998: Abb. 10–12). Эти фибулы относятся только к его II фазе культуры Доллькайм-Коврово, причем многообразные варианты балтийских фибул, представлены в таблицах и на карте одним общим типом A98 (Nowakowski 1996: 157–159).

Все технические элементы в период Маркоманских войн и после них мастерами, работавшими на Барбарикум, были заимствованы (трубчатый футляр с пружиной, трубчатый футляр с осью-шарниром) и нужно ли прибавлять около 100 лет, чтобы на территории южной Эстонии появились близкие по типу фибулы, которые отличаются морфологически от своих прототипов только более длинными и более узкими перекладинами, а также более уплощенной дужкой? Это могло произойти и почти одновременно и, конечно, через значительный промежуток времени. Это зависело от многих факторов: от жесткости границ между различными культурными регионами, от бродячих артелей мастеров или от отдельных оседлых мастеров, которые создавали новые формы по вкусу заказчиков, но при этом предлагали и свои авторские произведения. Многие формы фибул могли появляться одновременно в различных достаточно удаленных регионах, и на основании только некоторого изменения морфологии отдельных типов фибул, не подтвержденной «датами закрытых комплексов», строить хронологию нельзя. Наиболее важной задачей, в случае отсутствия закрытых комплексов, как это имеет место с «открытыми комплексами» эстонских каменных могильников, является поиск близких аналогий таким фибулам на тех территориях, где представлены закрытые комплексы (Восточная Пруссия, Скандинавия, курганы Литвы и юго-западной Латвии).

Отдельные комплексы были известны еще со времени первых работ О. Альмгрена (Almgren 1897).

1. Фибула с валиками IV группы A93 — прототип перекладчатых фибул, была встречена в погребении 1 могильника Neu-Bodschwingken в Восточной Пруссии вместе с арбалетной подвязной фибулой A 162 VI группы (Almgren 1897: 226, № 170).
2. Фибула A98 (фибула мазурского типа) встречена в комплексе погребения 84 могильника Доллькайм (Восточная Пруссия) вместе с A96 и двумя подвязными фибулами A 167–168 (№ 172).
3. Фибула A98 было найдена вместе с двумя фибулами A130 и одной подвязной A162 в комплексе южной половины могильника Grebieten (Восточная Пруссия) (Almgren 1897: 226–227, № 181).
4. Две фибулы A98 были найдены вместе с одной фибулой A130 и одной A162 в погребении № 155 южной половины могильника Grebieten (Восточная Пруссия) (№ 186).
5. Фибула A98 была найдена в погребении 1048 могильника Kigrehnen вместе с фибулой A130 (Восточная Пруссия) (№ 191a).

6. Фибула A98 была найдена вместе с подвязной фибулой A168 в погребении 31 могильника Tengen (Восточная Пруссия) (№ 200).
 7. Фибула A98 была найдена вместе с подвязной арбалетной фибулой A162 в погребении 8 могильника Валльстенарум на о. Готланд (№ 276) (рис. 14).
 8. Фибула A98 было найдена в кургане Lagfeldkangas в 5 км от церкви в Wöga вместе с низкой стеклянных бус, двумя наконечниками копий и железным ножом (Österbotten, Finnland).
- Сочетания вариаций прибалтийских фибул A98 с фибулами V группы A130, A137 в одних комплексах говорит о том, что самостоятельное развитие этих фибул началось уже в позднем периоде **B2c** и продолжилось активно в фазе **B2/C1**. (Machajewski 1998: 190–193) (№ 191a).

Появление фибул A98 в одних комплексах не только с фибулами V группы A130, но и с фибулами VI группы A162 свидетельствует о том, что они активно использовались местным населением и в III в., в фазах **C1** и **C2** (№ 170, 181, 186, 276).

Их сочетание в закрытых комплексах с фибулами с зернеными кольцами VI группы A167–168 говорит о том же периоде их бытования в фазах **C1** и **C2** (№ 171, 200).

По В. Новаковскому, подвязные фибулы VI группы A162 и A168 характерны только для его фаз 2 и 3, которые соответствуют периодам **B2/C1** и **C1/C2** (150–310/320 гг.) (Nowakowski 1996: 51–52).

Естественно, необходимо проверить каждую фибулу и правильно ее атрибуировать, используя в качестве первичной классификации систему Т. Хауптмана.

Самый поздний комплекс, найденный в Финляндии вблизи места Вора, может датироваться также периодом **C2**. Практически так его датировал и первый издатель комплекса А. Хакман, который отнес его к позднейшей четвертой стадии развития перекладчатых фибул и датировал периодом 250–350 гг. (Hackman 1921: 76). Этот период, соответствующий периоду V:1 по шкале относительной и абсолютной хронологии Альмгрена–Нермана, сегодня соответствует периоду C_2 и началу периода C_3 скандинавской хронологической шкалы.

Таким образом, мы видим, что самое позднее, в конце периода C_2 уже появились фибулы с длинными валиками — псевдофутлярём-осью, за которую крепилась игла. Эволюция перекладчатых фибул была завершена, и насколько долго продолжали использовать эти фибулы мы сможем сказать только после изучения закрытых комплексов более позднего времени.

В силу того, что ладожская фибула имеет трубчатый футляр, который примыкает непосредственно к верхней перекладине и игла крепится вероятнее всего к оси-шарниру в футляре, а не в отверстии на головной перекладине, мы считаем, что ладожская фибула занимает промежуточное положение между самыми ранними перекладчатыми фибулами со спиральной конструкцией в футляре фазы **B2/C1** и фибулами со штангой-шарниром, которые датируются поздним периодом **C2** (**C2b** — см: Шаров 1992). На основании этого, данная фибула должна датироваться с очень большой долей вероятности периодами **C1–C2a** или только III в.

Заключение

Нетрудно заметить, что ареал распространения северо-восточнобалтийских перекладчатых фибул совпадает с ареалом распространения эстонских каменных могильников с оградками (рис. 15) или ареалом *Tarandgräberkultur* (Mooga 1938: Kartebeil. VII; Hauptman 1998: Ab. 11). Южная зона этой культуры, где распространены фибулы южноэстонской группы граничит с ареалом культуры псковских длинных курганов, формирование которой относится к IV–V вв. (Бажан, Каргопольцев 1989; Казанский 1999: 404). Если исходить из этой даты, то эти культуры в IV–V вв. могли сосуществовать. Тем не менее, каких-либо заметных культурных влияний культуры каменных могильников Эстонии на культуру длинных курганов не прослеживается. Находки в комплексах длинных курганов бляшек-скорлупок, трапециевидных подвесок, головных венчиков-вайнаг, специфических фибул, булавок, браслетов и пряжек говорят, прежде всего, о связях с более западными территориями, заселенными западными балтами (Казанский 1999: 404–408).

Тем не менее, распространение культуры эстонских каменных могильников с оградками на восток в ряде случаев было зафиксировано. О комплексах, которые можно связать с этим импульсом из региона Эстонии писалось уже неоднократно (Mooga 1938: 18; Шмидехельм, 1955: 220). Недавно эта тема вновь была затронута (Кулешов 2005: рис. 1). На карте, представленной в томе археологии ранних славян, В. В. Седов отметил те памятники на Северо-Западе, которые можно сопоставить с культурой эстонских каменных могильников с оградками (Седов 1982: 49–52, карта 8). В Ленинградской области также зафиксированы подобные каменные могильники, хотя некоторыми исследователями такие комплексы ставятся под большое сомнение (Конецкий 1985: 39–40). Это Великоино, Валковицы, Извара, и, возможно, комплекс севернее Луги, упомянутый П. П. Ефименко. Вполне вероятно, что арбалетные подвязные фибулы из городища Георгиев и из Городца, также относятся именно к этому горизонту. Осенью 2005 г. н. с. ИИМК РАН П. Е. Сорокин смог зарисовать небольшую коллекцию фибул из частной коллекции. Эта коллекция, по словам находчиков, происходит из района Ижорского плато, из места с большим количеством камней, расположенного в 12–13 км от Копорья. В ее составе есть глазчатые фибулы прусской серии III группы типа A60–A61, сильнопрофилированные фибулы IV группы типа A73, и прибалтийские фибулы с головным щитком (тип: Friedenthal, 1928: Taf. 7: h, I). Подобное сочетание фибул очень характерно для эстонских каменных могильников самого раннего этапа — начала II в. Необходимы разведки в данном месте, чтобы выяснить связь этих находок с погребальными конструкциями.

Исходя из приведенных выше фактов, появление перекладчатой фибулы южноэстонской группы может оказаться не единичной и совсем не случайной находкой на Северо-Западе.

Вернемся к началу нашей статьи, где мы рассматривали варианты попадания ранних вещей в более поздний культурный контекст поселений. По нашему мнению, первый вариант полностью исключить нельзя, хотя для утверждения, что на месте Земляного городища в III–IV вв. было небольшое поселение, связанное с *Tarandgräberkultur*, пока слишком мало данных. Второй вариант — раннее поселение или могильник рядом также пока не рассматривается, так как рядом пока не открыты поселения и могильники более ранней эпохи (III–V вв.). Этот вариант более применим к находке ранней арбалетной подвязной фибулы с городища Ге-

оргиев в северо-западном Приильменье (Носов, Горюнова, Плохов 2005: 86). Рядом в 300 м находится селище Васильевское 1, в культурном слое которого встречены фрагменты сетчатой и штрихованной керамики, которую исследователи склонны датировать второй четвертью первого тысячелетия. Находка в слое городища фибулы III в. связана с населением, проживавшего в этих местах в III–IV вв. Для ладожской находки остается возможным также вариант ее появления на городище в более позднее время с других удаленных территорий (из основного ареала их бытования в III в.), где такая фибула могла быть случайно найдена, куплена или подарена, а затем в различных вариантах (застежка, амулет, игрушка) использовалась в быту населения Старой Ладogi.

Ладожская фибула является на сегодняшний день самой северо-восточной находкой в ареале распространения северо-восточнобалтийских перекладчатых фибул. Случайна ли эта находка на Земляном городище Старой Ладogi, покажут будущие исследования.

Литература

- Булкин, Седых, Каргопольцев 2005 — Булкин В. А., Седых В. Н., Каргопольцев С. Ю. Реки восточной части Балтийского бассейна и Северо-Запад России в позднеантичное время (письменные и археологические данные) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2005. Вып. 3. С. 142–152.
- Гей, Бажан 1997 — Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ОНТИ ПИЦ РАН, 1997.
- Давидан 1994 — Давидан О. И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекции Государственного Эрмитажа). Петербургский археологический вестник. 1994. № 9. С. 156–167.
- Казанский 1999 — Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // Археологические вести. СПб., 1999. № 6.
- Каргопольцев 1994 — Каргопольцев С. Ю. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III–VI вв. Автореферат дис... канд. ист. наук. СПб, 1994.
- Каргопольцев 1996 — Каргопольцев С. Ю. О нижней дате памятников типа Линдора-Полибино // Старая Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А. Д. Мачинской. СПб, 1996.
- Каргопольцев 1998 — Каргопольцев С. Ю. Северо-Запад Восточной Европы III–VI вв. в контексте общеевропейских древностей. (Некоторые проблемы хронологии и взаимосвязей) // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998.
- Каргопольцев, Щукин 2001 — Каргопольцев С. Ю., Щукин М. Б. О находках оружия поздне римского времени на западе Ленинградской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 2001.
- Каргопольцев, Седых 2002 — Каргопольцев С. Ю., Седых В. Н. Комплекс находок на Кургальском полуострове // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2002. С. 111–116.
- Конецкий 1985 — Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 37–44.
- Кулаков 2004 — Кулаков В. И. Доллькайм–Коврово. Исследования 1879 г. // Prussia Antiqua. Минск, 2004. Т. 2.

- Кулешов 2005 — *Кулешов В. С.* Памятники культуры Tarandgräberkultur на северо-западе европейской части России // Альманах молодых археологов. СПб, 2005. С. 183–198.
- Кухаренко 1980 — *Кухаренко Ю. Н.* Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980.
- Мачинский 1995 — *Мачинский Д. А.* Первоначальные Aldeigja /Ладога и Gardar/ Русь // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 1995г. СПб, 1995. С. 61–65.
- Михельбертас 2004 — *Михельбертас М.* Находки перекладчатых фибул типа А96 в Литве // Восточная Европа в средневековье. К 80-летию Валентина Васильевича Седова. Москва, 2004. С. 109–116.
- Носов, Горюнова, Плохов 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья // Труды ИИМК РАН. СПб., 2005. Т. XIII.
- Носов 2002 — *Носов Е. Н.* О находке позднеримской фибулы в Ильменском Поозерье // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 74–76.
- Платонова, Шукин 2000 — *Платонова Н. И., Шукин М. Б.* Странная случайная находка в окрестностях Луги // Археологические вести. СПб, 2000. Вып. 7.
- Седов 1974 — *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
- Шаров 1992 — *Шаров О. В.* Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 152–208.
- Шмидехельм 1955 — *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
- Шукин 1994 — *Шукин М. Б.* На рубеже эр: опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Шукин 2005 — *Шукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Almgren 1897 — *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziärrömischen und südrussischen Formen. Stockholm, 1897.
- Almgren 1914 — *Almgren O.* Die ältere Eisenzeit Gotlands. 1 Heft, Stockholm, 1914.
- Almgren 1923a — *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziärrömischen und südrussischen Formen. Mannus-Bibliothek, № 32. Leipzig, 1923.
- Almgren 1923b — *Almgren O. Nerman B.* Die ältere Eisenzeit Gotlands. 2 Heft, Stockholm, 1923.
- Almgren, Böhner 1998 — *Almgren B., Böhner K.* Oskar Almgren — zum 100-jährigen Jubiläum seines Buches // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25–28 Mai 1997. Kleinmachnow, Land Brandenburg. In: Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf, 1998. S. 19–28.
- Aspelin 1884 — *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien V. Helsingfors, 1884.
- Beckman 1969 — *Beckman Chr.* Metallfingerringe der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Saalburg-Jahrbuch 26, 1969.
- Blume 1912 — *Blume E.* Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Teil 1. Mannus-Bibliothek 8. Würzburg, 1912.
- Domanski 1992 — *Domanski G.* Die Frage des Zeithorizont der Markomannenkriege in Barbaricum // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992. S. 129–139.
- Ebert 1913 — *Ebert M.* Die baltischen Provinzen Kurland, Livland, Estland. Prachistorische Zeitschrift V. Heft 3/4. 1913. S. 498–559.

- Eggers 1951 — *Eggers H. J.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
- Eggers 1955 — *Eggers H. J.* Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. JRGZM. 1955. Jhrg. 2.
- Friedenthal 1928 — *Friedenthal A.* Südostbalticum. C. Nachchristliche Eisenzeit // Reallexicon der Vorgeschichte. Hrg. M. Ebert. Bd. XIII. Berlin, 1928. S. 7–29.
- Ginters 1930 — *Ginters V.* Katalog der Ausstellung zur Konferenz der baltischer Archäologen in Riga 1930. Riga, 1930. S. 50–54, 68–75. Taf. 18–19.
- Godłowski — *Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Krakow, 1970.
- Godłowski 1981 — *Godłowski K.* Kultura przeworska / Prehistoria ziem polskich. Pozny okres latenski i okres rzymski, tom V, Wrocław–Warszawa–Krakow–Gdansk, 1981. S. 57–135. T. V.
- Hackman 1905 — *Hackman A.* Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors. 1905.
- Hackman 1921 — *Hackman A.* Baltische Sprossenfibeln aus Finnland // Festschrift Adalbert Bezenberger. Göttingen, 1921. S. 68–76.
- Hauptman 1998 — *Hauptman T.* Studien zu den Dreisprossenfibeln // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25–28. Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Wünsdorf, 1998. № 5. S. 159–174.
- Hausman 1896a — *Hausman R.* Grabfunde aus Estland. Eine archäologische Studie. Reval, 1896.
- Hausman 1896b — *Hausman R.* Einleitung zur Abtheilung Archäologie // Katalog der Ausstellung zum X Archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga, 1896. S. IX–XVIII.
- Jaanits, Laul, Lõugas Tõnisson 1982 — *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.
- Jaskanis Okulicz 1981 — *Jaskanis J., Okulicz E.* Kultura zachodniobaltijska / Prehistoria ziem polskich. Pozny okres latenski i okres rzymski. Wrocław–Warszawa–Krakow–Gdansk, 1981. T. V. S. 216–247.
- Laul 2001 — *Laul S.* Rauaaja kultuuri kujunemine eesti kaguosas (500 e. Kr. – 500 p. Kr.). Tallinn, 2001.
- Lietuvos 1978 — Lietuvos TSR archeologijos atlasas I–XIII radiniai. Vilnius, 1978.
- Machajewski 1998 — *Machajewski H.* Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25–28 Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Wünsdorf, 1998. № 5. S. 187–196.
- Michelbertas 1986 — *Michelbertas M.* Senasis geležies amžius lietuvoje. Vilnius, 1986.
- Michelbertas 1998 — *Michelbertas M.* Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25–28 Mai 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf, 1998. № 5. S. 425–432.
- Moora 1929 — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n. Chr. I. Theil, Die Funde. Tartu, Dorpat, 1929.
- Moora 1938 — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n. Chr. II. Theil, Analyse. Tartu, 1938.
- Nowakowski 1996 — *Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg–Warszawa, 1996.
- Quast 2004 — *Quast D.* Ein skandinavisches Spathascheidenmundblech der Völkerwanderungszeit aus Pikkjärve (Põlvamaa, Estland) // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 2004. S. 243–279. Jhrg. 51.
- RK 1896 — Riga-Katalog, 1896. Katalog der Ausstellung zum X. Archäologisches Kongress in Riga 1896. Riga, 1896.

Schmidehelm 1923 — *Schmidehelm M.* Beiträge zu der sogenannten gotischen Frage im Balticum // Sitzungberichte der Gelehrten estnischen Gesellschaft, 1922. Dorpat, 1923. S. 76–108.
Schmidehelm, Laul 1970 — *Schmidehelm M., Laul S.* Asustusest ja etnilistest oludest kagu-eesist ja aastatuhandel // Studia archaeologica. In memoriam Harri Moora. Tallinn, 1970. S. 154–165.
Tischler 1879 — *Tischler O.* Ostpreussische Gräberfelder III. Königsberg, 1879.

Tischler 1880a — *Tischler O.* Katalog der Ausstellung prähistorischer und anthropologischer Funde Deutschlands i zu Berlin. (vom 5–21 August 1880). Ostpreussen, Berlin, 1880. S. 390–453.

Tischler 1880b — *Tischler O.* Über ein ostpreussischen Gräberfeld. Die Rede auf den vierten Sitzung am Montag, den 9. August 1880. Verhandlungen der XI. Allgemeinen Versammlung der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte zu Berlin im August 1880 // Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1880. Jg. XI. S. 81–85.

Tischler 1888 — *Tischler O.* Über das Gräberfeld von Oberhof. Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1888. Jg. XIX. S. 118–122.

Tischler, Kemke 1902 — *Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.

Wołagiewicz 1970 — *Wołagiewicz R.* Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // Archeologia Polski. 1970. T. XV. Zeszyt 1.

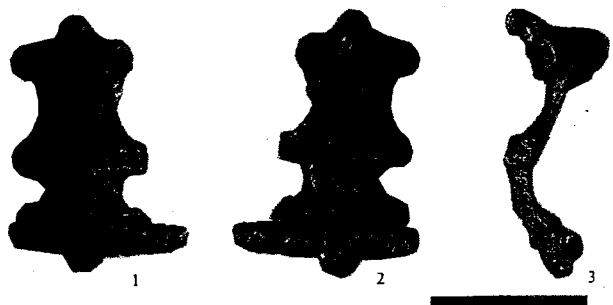

Рис. 1. Бронзовая фибула из культурного слоя Земляного городища Старой Ладogi. 1 — фас; 2 — анфас; 3 — профиль

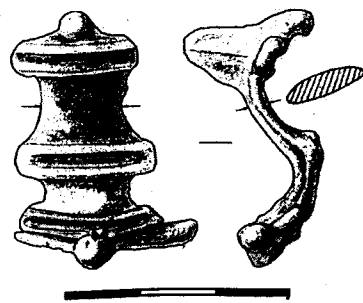

Рис. 2. Фибула из слоя E2 Земляного городища Старой Ладogi

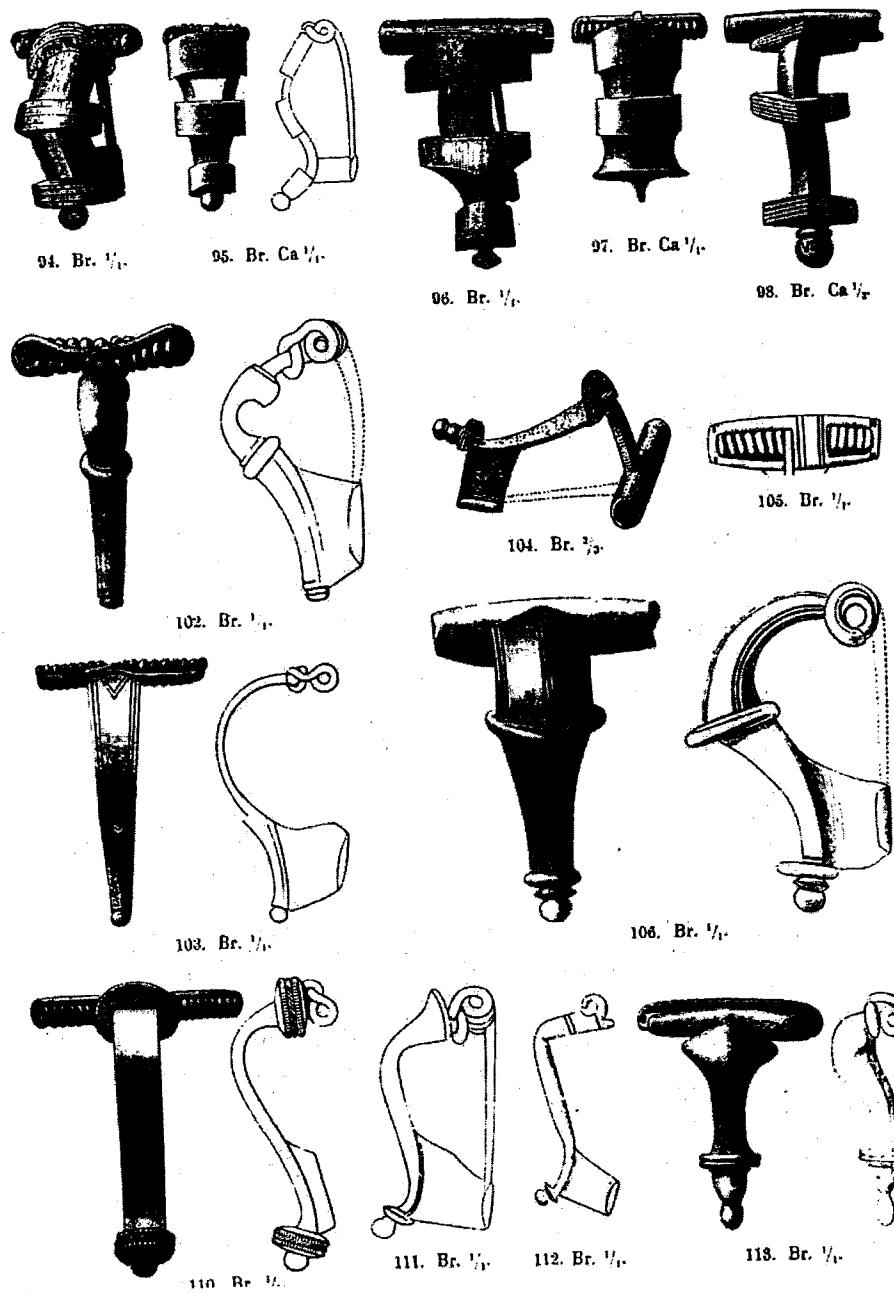

Рис. 3. Фибулы группы V по О. Альмгрёну (Almgren 1897; 1923, Taf. V) № 94–98 — 1-я серия перекладчатых фибул

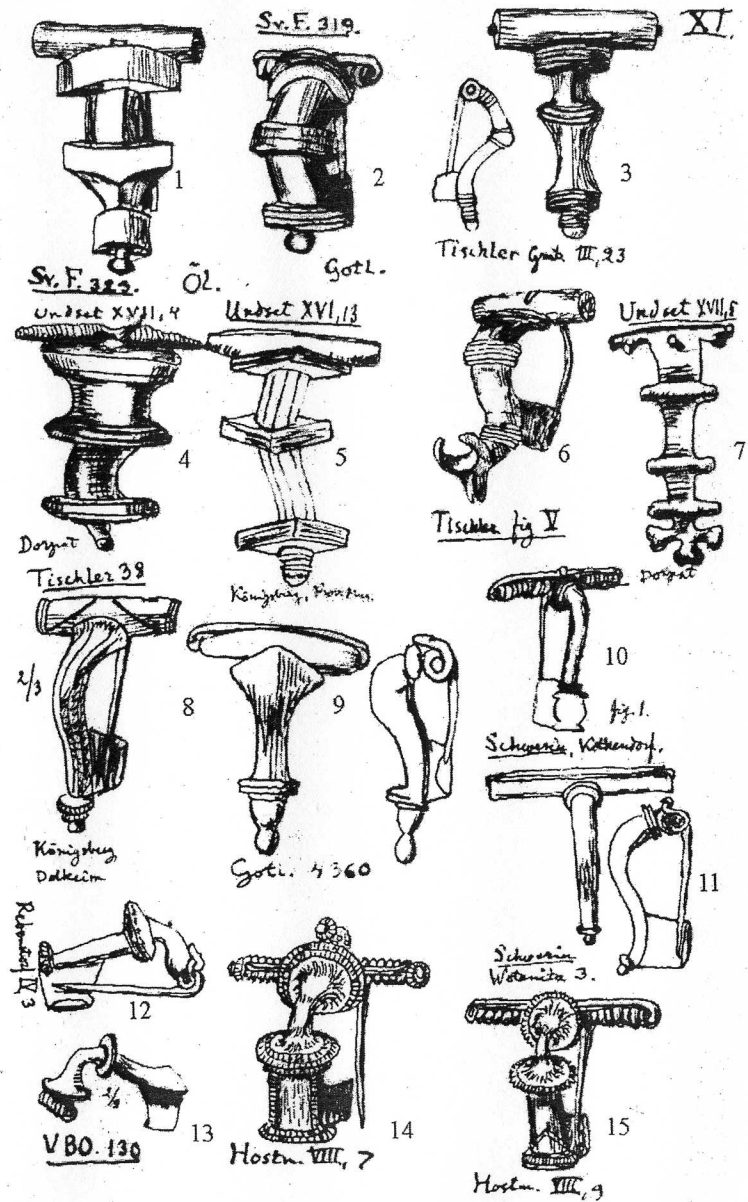

Рис. 4. Рабочая таблица № 11 О. Альмгрена (Almgren, Bohner 1998, Abb. 4)

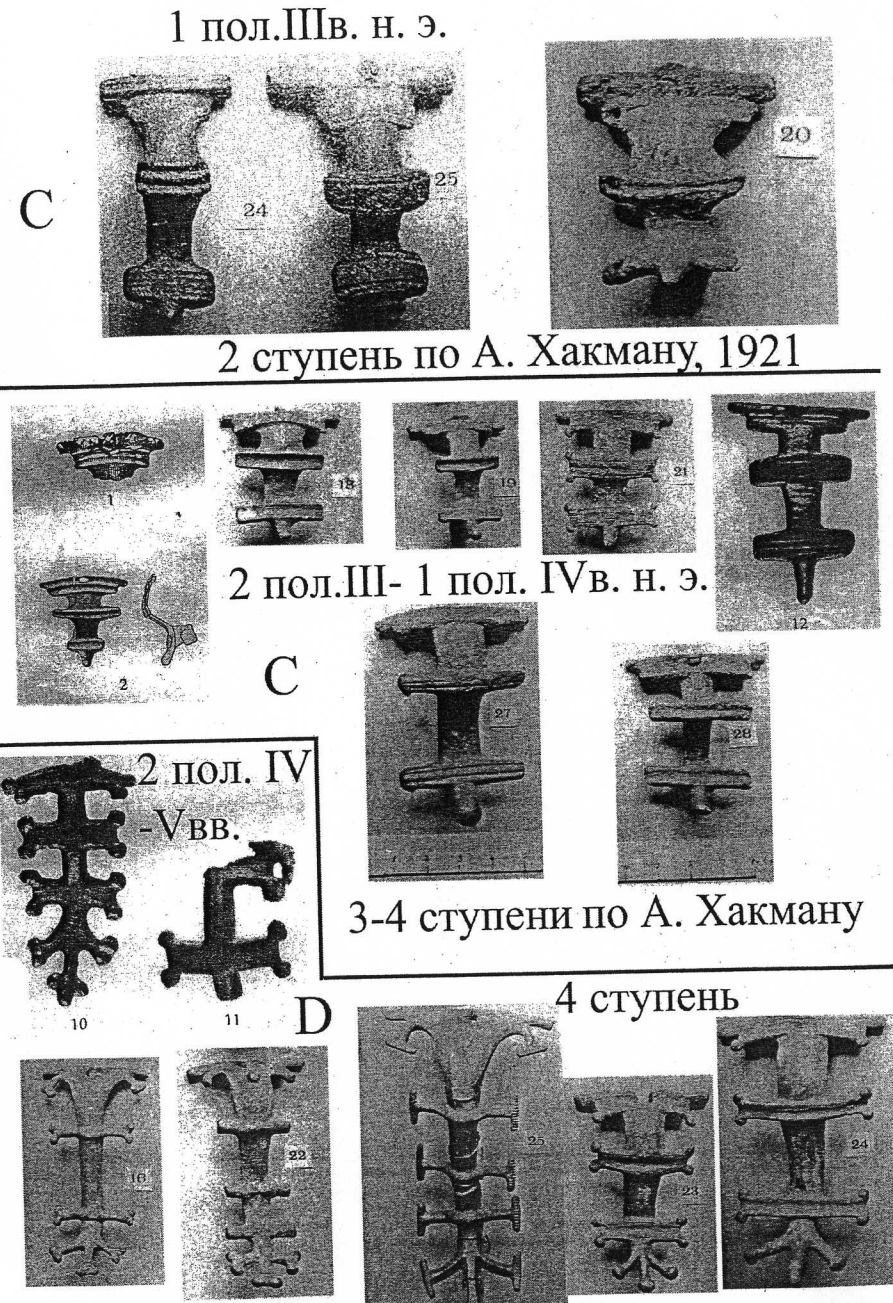

Рис. 5. Типология и хронология перекладчатых фибул по А. Хакману (Hackman 1921).
 Номера типов даны по: Riga-Katalog 1896, Taf. 4, 5; № 1-2, 12 — фибулы из Ускела-Кетохака и Вора, Финляндия (Hackman 1921, Abb. 1, 2, 12)

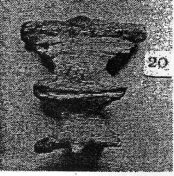
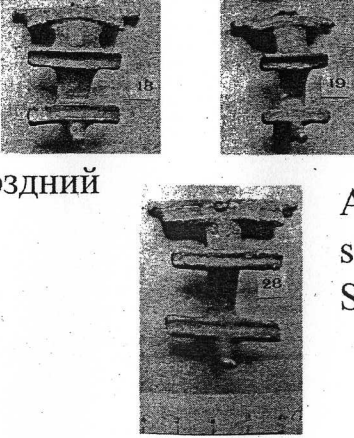
C	ранний		A1 Wulstfibeln
C			A2-переходный тип
C			A2-Sprossenfibeln mit Hülse und breiten Sprossen
C			A3-Sprossenfibeln mit Hülse und schmalen Sprossen
C- D	поздний		A4-Sprossenfibeln mit schmalen Sprossen und Stange

Рис. 6. Типология и относительная хронология по М. Шмидехельм (Schmidehelm 1923).
Типы даны по: Riga-Katalog 1896, Taf. 4, 5

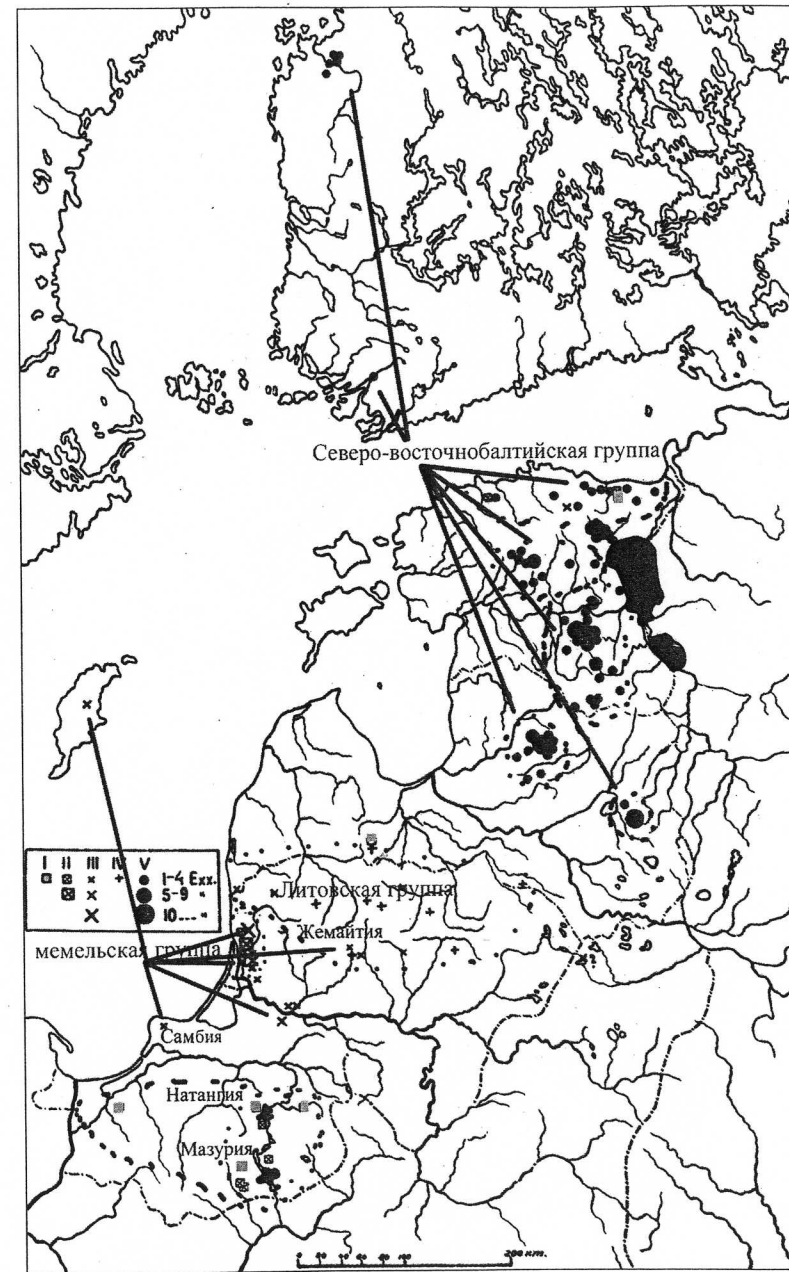

Рис. 7. Карта распространения перекладчатых фибул и их прототипов по Х. Мора (Moora 1938, Kartebeilage VII).

1 — Фибулы с валиками; II — ранние перекладчатые фибулы с осью в футляре; III — фибулы мемельской группы; IV — литовские перекладчатые фибулы; — северо-восточнобалтийские перекладчатые фибулы

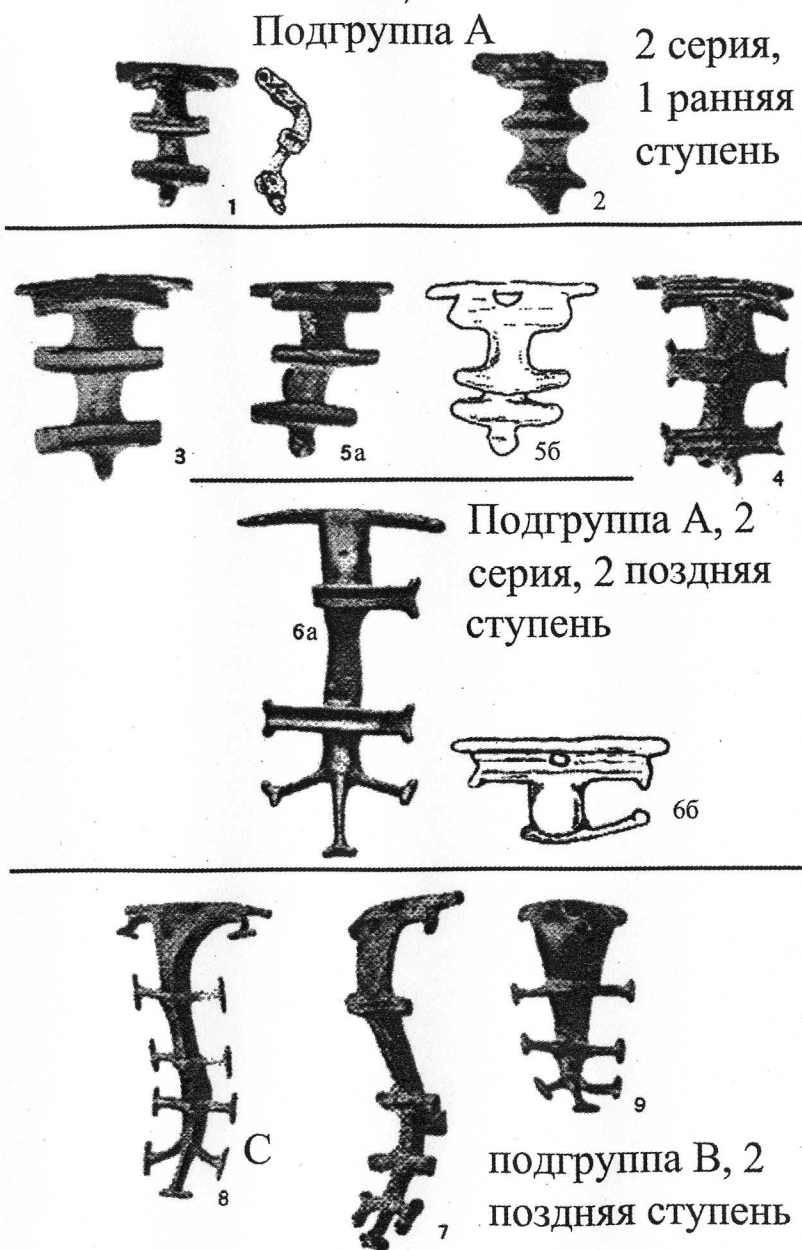

Рис. 8. Типология северо-восточнобалтийских перекладчатых фибул по Х. Мора (Moora 1929, Taf. VI; Moora 1938, 88–93)

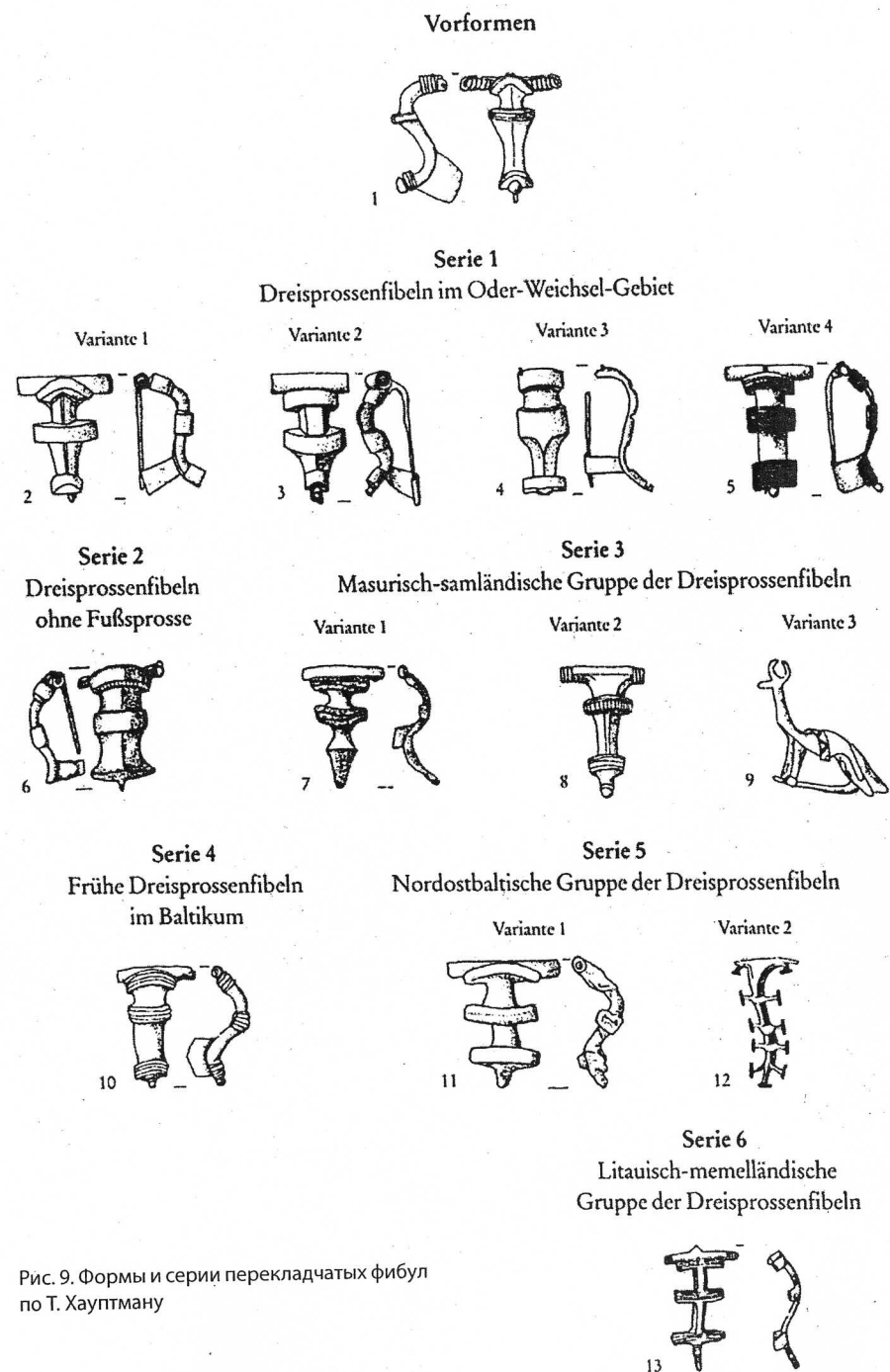

Рис. 9. Формы и серии перекладчатых фибул по Т. Хауптману

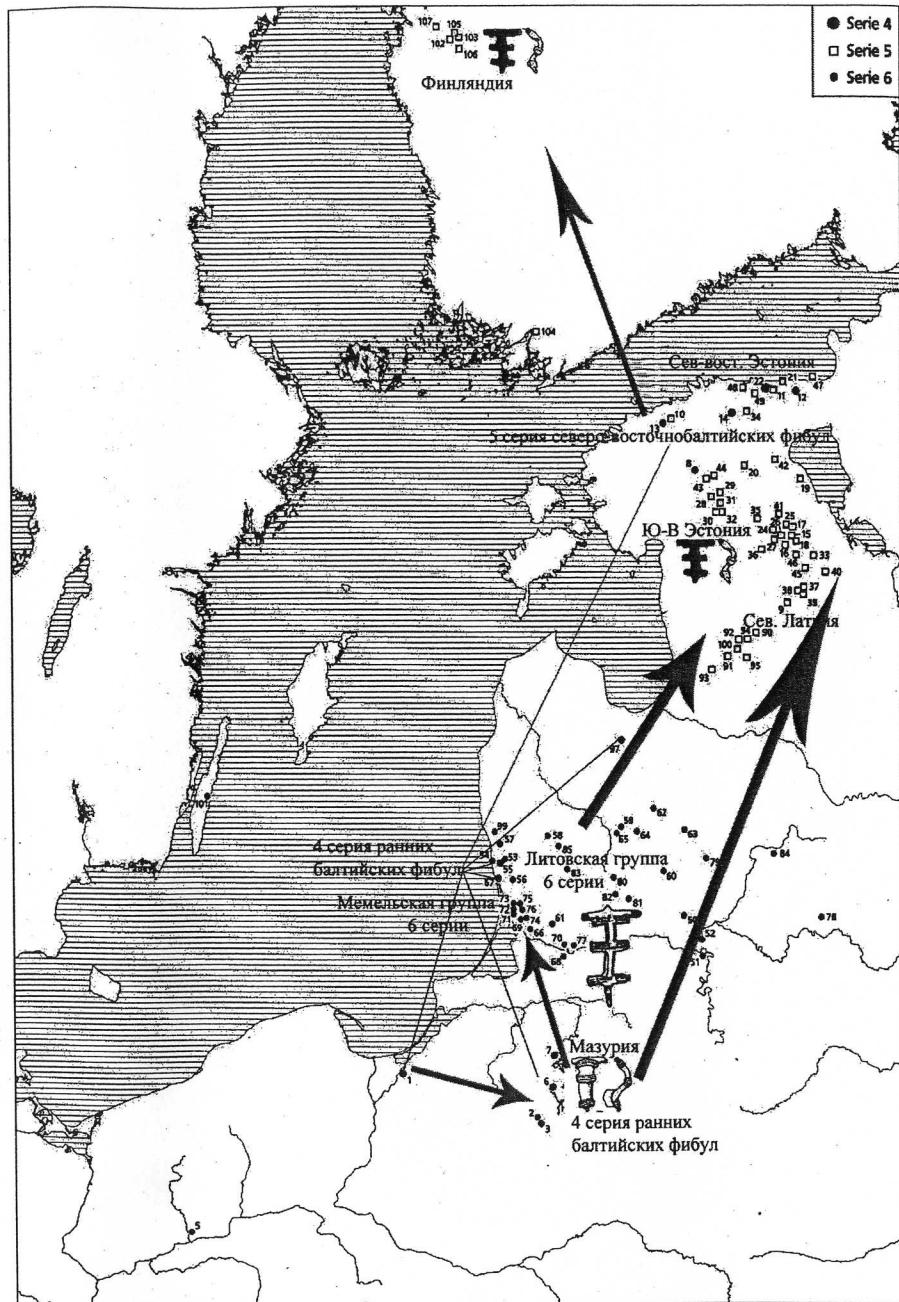

Рис. 10. Распространение перекладчатых фибул серий 4, 5, 6 по Т. Хауптману (Hauptman 1998, Abb. 13)

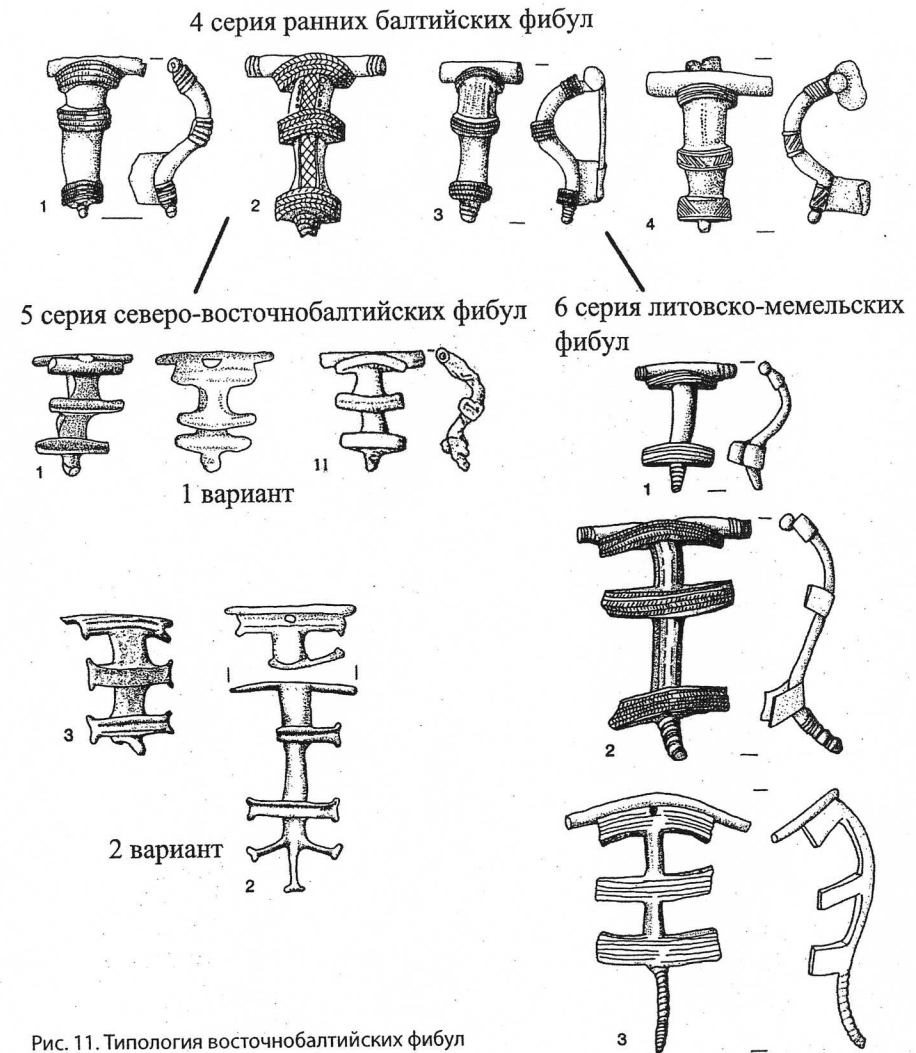

Рис. 11. Типология восточнобалтийских фибул по Т. Хауптману (Hauptman 1998, Abb. 12, 14, 15)

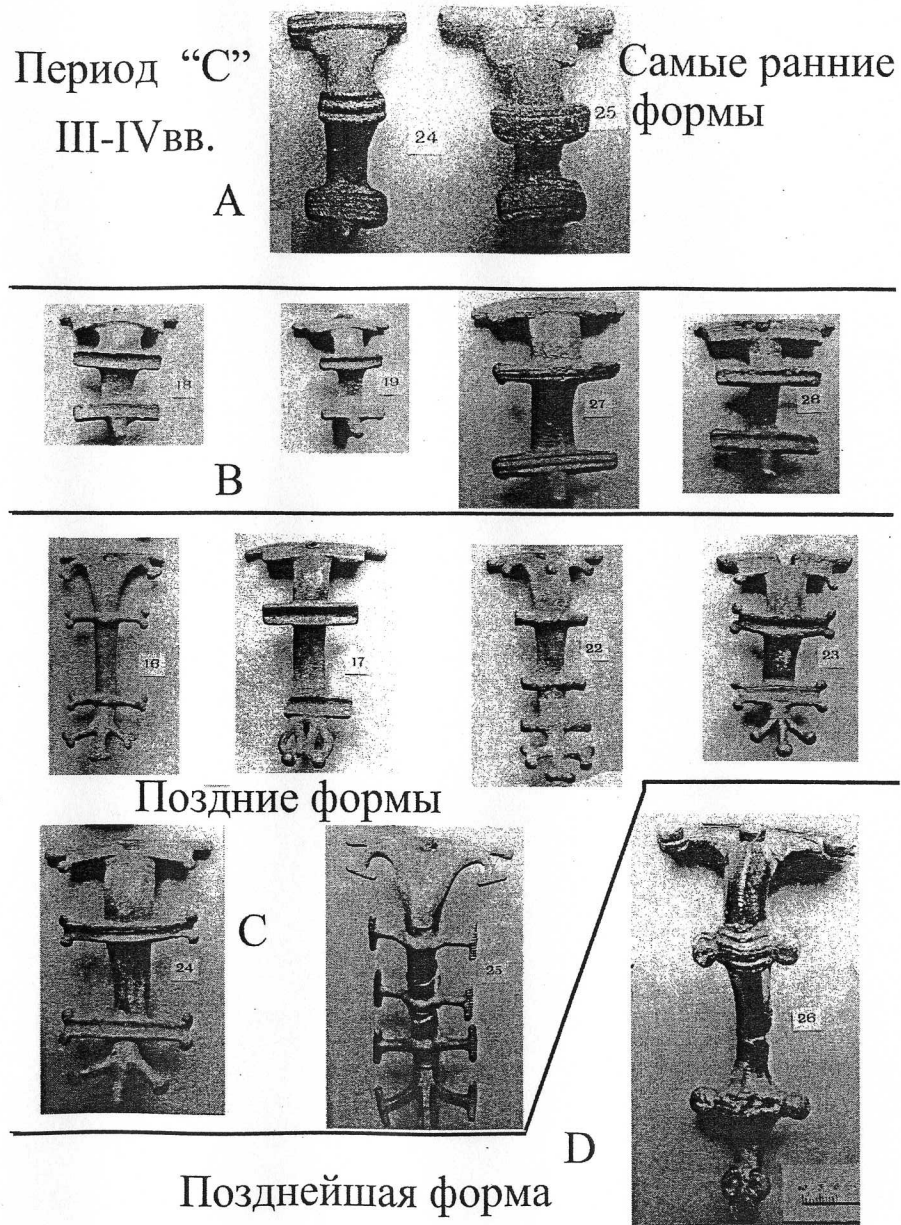

Рис. 12. Типология и хронология перекладчатых фибул по М. Эберту (Ebert 1913).
Типы указаны по: Riga-Katalog 1896, Taf. 4, 5)

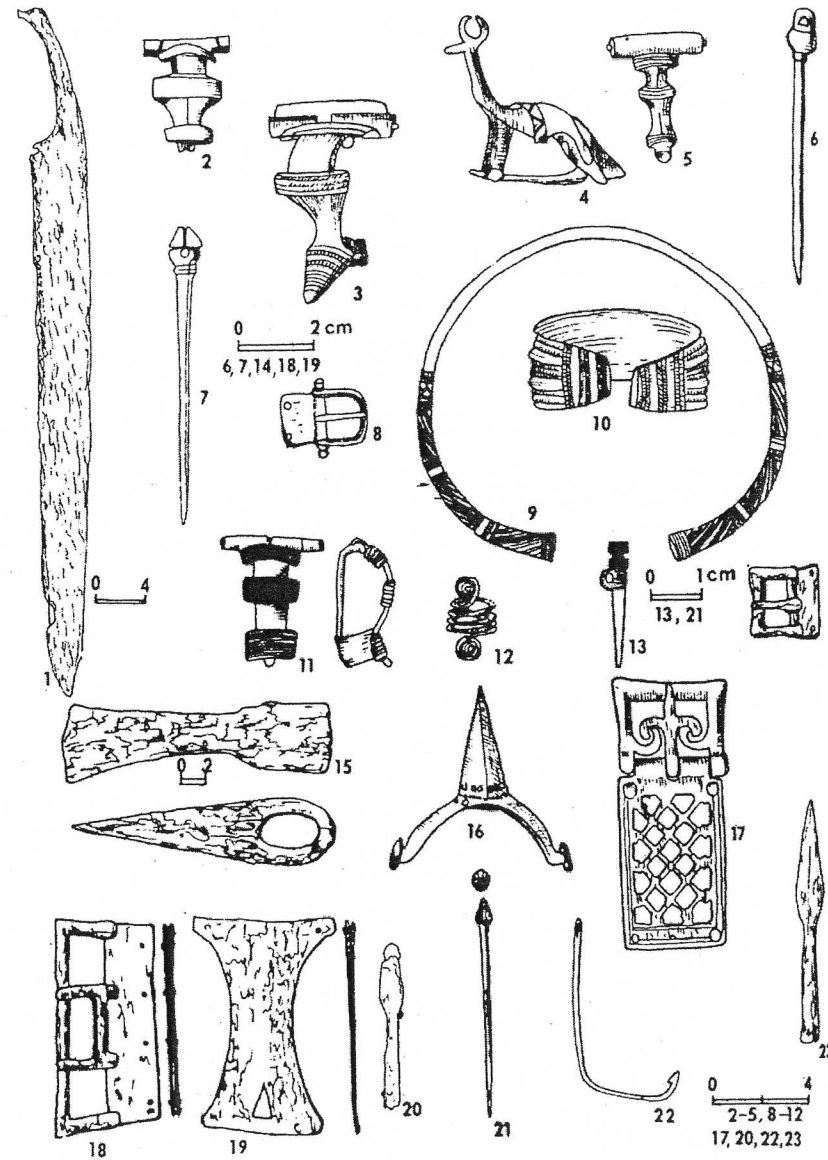

Рис. 13. Культура западных балтов фазы B2/C1-C1 по Я. Ясканису и Е. Окуличу (Jaskanis, Okulicz 1981: Tab. XXXIV)

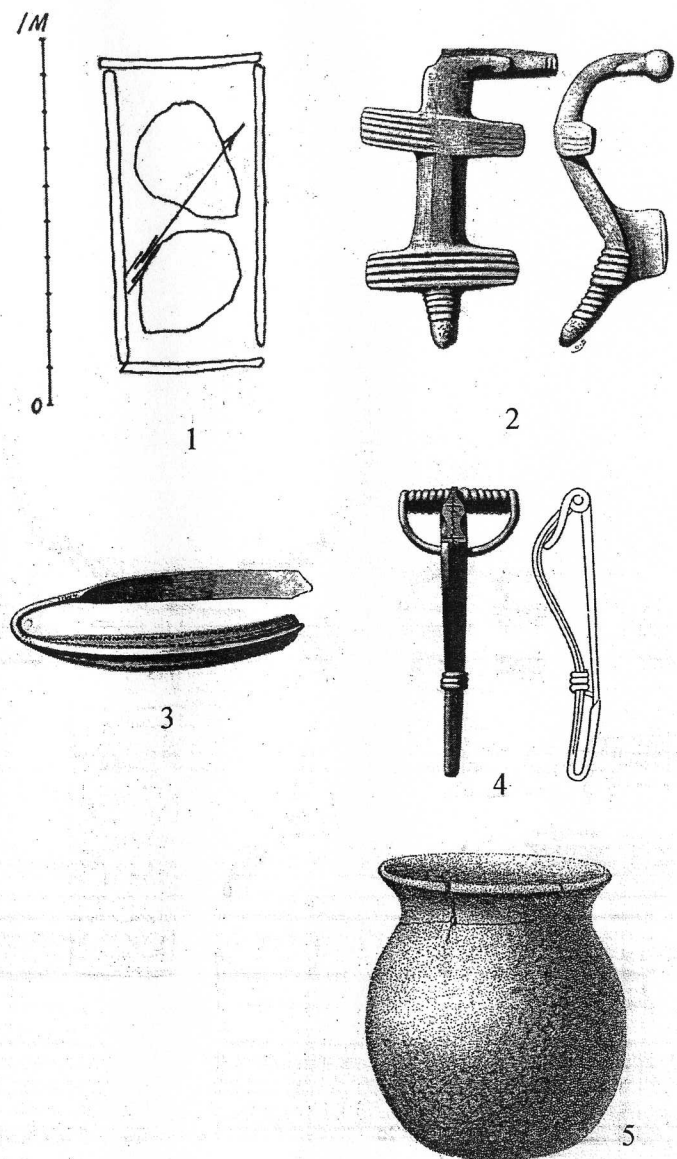

Рис. 14. Погребение № 8 в каменном ящике. Вальстенарум, Готланд

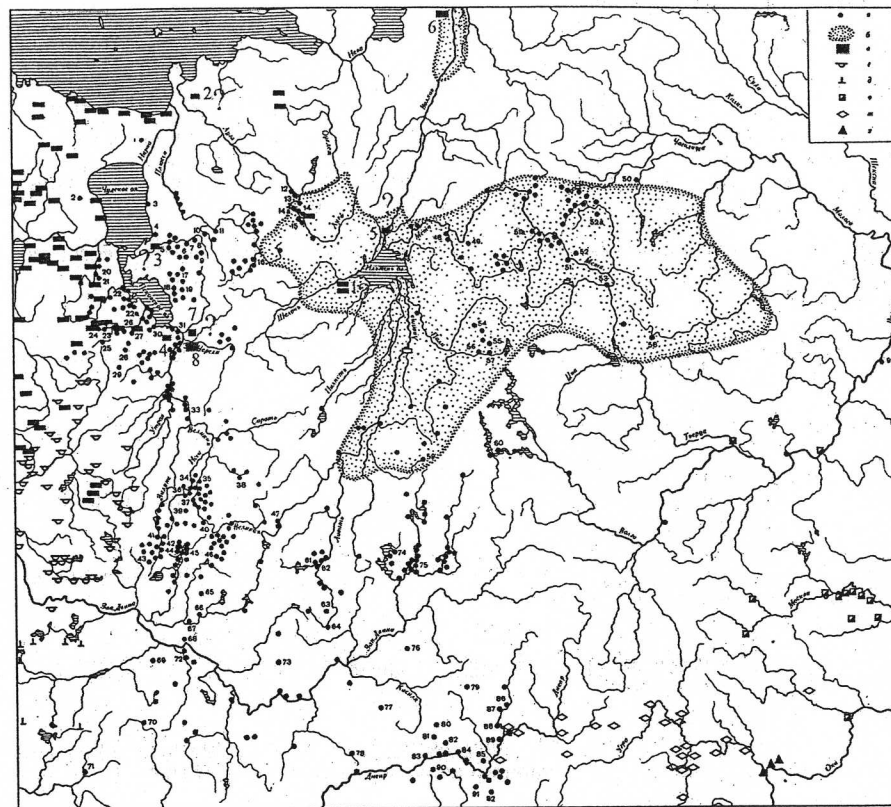

Рис. 15. Карта распространения длинных курганов по В. В. Седову (1982): а — могильники с длинными курганами; б — территория распространения сопок; в — могильники с каменными оградками эстонского типа; г — грунтовые могильники латгалов; д — восточнолитовские курганы; е — позднедьяковские городища; ж — памятники мощинской культуры; з — ранние курганы вятичей; 1 — Солоницко; 2 — Великино, Валговицы; 3 — Залахтове; 4 — Выбуты; 5 — городище Георгий; 6 — Старая Ладога; 7 — Псков; 8 — Ерусалимская; 1-4, 8 (Кулешов 2005: рис. 1)